

Андрей Буторин

Хуже не будет

«Издательские решения»

2015

Буторин А.

Хуже не будет / А. Буторин — «Издательские решения»,
2015

ISBN 978-5-457-92426-0

Во втором из шести тематических сборников фантастических рассказов, объединенных общим названием «БутАстика», писатель-фантаст Андрей Буторин предлагает читателям произведения, представляющие поджанры «мистика» и «ужасы».

ISBN 978-5-457-92426-0

© Буторин А., 2015
© Издательские решения, 2015

Содержание

От автора	6
Опережающий	7
Они придут	15
Урочище Огненных духов	18
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Хуже не будет БутАстика – 2. Мистика, ужасы. Рассказы Андрей Буторин

Прыжок

*Стучит и лезет прямо в мозг
Отчаянье и ярость:
Еще один разрушен мост,
А сколько их осталось?*

*Но криком можно ли помочь?
Душа так просит крика!
Тот мост, что разрушает ночь,
Разрушен за полмига!*

*И я стою над пустотой,
Неведеньем томимый.
Мосты, снесенные водой,
Река проносит мимо.*

*Как перейти на берег тот,
Где ждет меня забвеньё?
Опять на лбу холодный пот
Тревоги и сомненья.*

*Ночные звезды мертвый блеск
Зажгли свечами вере,
На фоне звезд – зловещий лес,
Далек манящий берег.*

*Повис Луны грозящий рог,
Клинок свой желтый выгнув.
И вот я делаю прыжок,
Надеясь, что допрыгну.*

(Стихи автора)

© Андрей Буторин, 2016

© Андрей Буторин, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Мысль сделать сборники моих рассказов появилась у меня давно. Я начал писать фантастику в 90-х годах прошлого века, и, как водится, сначала это были рассказы. Но и позже, когда были написаны и изданы произведения крупной формы, рассказы я тоже вниманием не обделял. Что-то возникало спонтанно, в результате «творческого озарения», что-то писалось для конкурсов, таких как «Рваная грелка», «КолФан» и пр., что-то создавалось специально для журналов и сборников.

Кстати, о журналах и сборниках. В них на сегодняшний день опубликовано более тридцати рассказов. Это такие журналы как «Если», «Техника-молодежи», «Знание-сила: Фантастика», «Юный техник» и другие, менее известные, в том числе и зарубежные. В итоге мои рассказы увидели свет в таких странах как Россия, Великобритания, Канада, Израиль, Латвия, Украина и США.

Однако я не стал делить рассказы для задуманных сборников на те, что уже опубликованы (есть такие, что и не единожды), и на те, что так еще и не видели свет. Не думаю, что факт публикации автоматически делает текст лучше. Мало того, я даже оставил все рассказы в первоначальном виде, без той переработки, что требовали некоторые издания. Единственное, что я позволил себе, это еще раз сделать вычитку и провести минимальную редактуру с позиции моего нынешнего опыта, а также реалий сегодняшнего дня.

Произведения наверняка неравноценны по стилистике, уровню подачи материала, занимательности сюжета и прочим литературным параметрам, ведь писались они в разное время – и когда я еще только начал приобщаться к литературному творчеству, и когда приобрел уже какой-то опыт. Тем не менее, я не стал делить их по признаку новые-старые, потому что все они для меня родные дети, с каждым что-то связано, каждый чему-то меня научил. Не стал я и сортировать их по датам написания, посчитав, что это вовсе не самое главное.

Я провел деление по другому принципу. Хотя все рассказы принадлежат любимому мною жанру фантастике, но тематика у них очень разная; она представляет такие поджанры как фантастика научная, юмористическая, любовная, проза для детей и юношества, мистика-ужасы, сюрреализм... В связи с тем что рассказов накопилось много, порядка восьмидесяти, и все они представляют перечисленные выше направления, я решил сделать не один, а несколько сборников – каждый по своей тематике. Объединяет их придуманное мною название «БутАстика»; потому что это Буторин Андрей, и потому что это фантастика.

Во второй из шести задуманных сборников я собрал рассказы, условно относящиеся к поджанрам «мистика» и «ужасы». Условно – потому что в момент написания многих из этих историй я не стремился специально «выписывать» их именно в этих категориях. Я писал то, что казалось мне тогда интересным, что захватило, заставило потянуться «к перу». Но сейчас, перечитывая и классифицируя свои рассказы, именно эти показались мне наиболее близкими к данным поджанрам. Даже если я при этом слегка и ошибся, так ли уж это важно?

Приятного чтения, дорогие друзья! Жду ваших отзывов.

*Искренне ваш,
Андрей Буторин*

Опережающий

Когда он проснулся, его окружала тьма, настолько густая и плотная, что он почувствовал, как она липнет к коже. Он невольно задержал дыхание и провел по лицу ладонью. Лицо было мокрым, но, конечно, не из-за темноты. Просто ему опять снилось это...

Тем летом ему исполнилось шестнадцать. Он был таким, как все. Он думал, как все; говорил, как все; даже выглядел, ничем не отличаясь от «среднестатистического» деревенского парня: до белизны выцветшие под летним солнцем волосы, загорелое худощавое тело, сильные, жилистые, с широкими ладонями руки, мосластые, как у большого щенка, ноги. Да он, по сути, и был тогда щенком, с любопытством и удовольствием взирающим на пестрый, шумный, не вполне еще понятный мир. Только настоящие щенки взрослеют хоть и быстро, но не в одночасье; он же стал взрослым за те несколько мгновений, пока огромная часть обрывистого берега падала в равнодушно-спокойный, медлительно-величавый темный поток реки. Он тоже стоял на том берегу. Они стояли. Как ее звали? Лена, Света?.. Они целовались, когда стремительная трещина промчалась меж ними, оставив девчонку с ее продолжающейся юностью по эту сторону мира, а его, с огромным куском берега, вместе с росшими там березками, унесло вниз, к темной воде, к черноте небытия, из которого он вернулся в этот мир не просто взрослым, а почти старым. Даже волосы его были теперь белыми не от солнца, а от седины.

После этого ему и стал сниться сон, повторяющий вновь и вновь те мгновения: змеящаяся черная молния трещины; гул, подобный вздоху гиганта; взмывающая из его объятий девушка, ее оглушительный крик и – наступившая вдруг невесомость, словно продолжение блаженства от первого поцелуя. Он даже не успел испугаться, настолько недолгими были эти мгновения космической легкости. В следующий миг на него разом обрушились непомерная тяжесть и та самая липкая темнота. Перед тем как погрузиться в нее окончательно, он успел почувствовать, как и сам он, подобно берегу, разрывается надвое, и одна его часть остается висеть в черной патоке тьмы, а вторая продолжает нестись в черную же бесконечность.

Его откопали лишь к вечеру, когда реальная темнота грозила уже скрыть место обвала. Конечно, он ничего этого не помнил. Он очнулся лишь в больнице, поразившись, открыв глаза, обилию вокруг себя белого цвета. И эти цвета – черный и белый – стали теперь сопровождать его всюду, словно все остальные, соединявшие их яркой радугой, потеряли для него смысл.

Он так и не закончил школу – учеба казалась ему теперь такой же никчемной глупостью, как и нелепые ужимки серых теней в резко грохочущем ящике, возле которого любила коротать вечера мать. Он попытался работать, но убирать навоз в коровнике ему не понравилось, а ничего иного ему попросту не предлагали. Поэтому он почти целыми днями сидел дома, любясь белизной русской печи, или лежал, уставившись в покрашенный белой краской потолок. Он полюбил белый цвет. Он любил его так же самозабвенно и ярко, как ненавидел черный. Он обожал утро и день, боялся ночи и ощущал болезненную тревогу вечером. А еще он стал очень добрым. Он любил всех людей, он готов был обнять целый мир, если бы в нем было поменьше черноты...

Конечно же, он слышал, как его называли дурачком. Он отлично понимал смысл этого слова – ведь на самом-то деле у него вовсе не стало меньше ума, – но не обижался на людей, многие из которых были явно глупее его. Ведь он их любил, невзирая на ум или глупость. Они казались ему белыми и чистыми. Но больше всех он все-таки любил мать, которая не считала его сумасшедшим. Она говорила людям: «Он просто другой, и в том нету его вины». Но после мать плакала, и эти слезы болью отзывались в его сердце. Он хотел, чтобы

мать не только любила его, но и гордилась им. Для этого нужно было сделать что-то очень хорошее, большое и обязательно светлое – такое, чтобы оно принесло добро и пользу всем людям если не целого мира, то хотя бы жителям их села. Чтобы они перестали считать его дурачком, чтобы они тоже полюбили его, как любил их он сам. Он хотел прославиться, но не ради самой славы, а лишь для того, чтобы все могли увидеть, каков он на самом деле. Но что мог он сделать очень хорошего в этой глуши? Разве что все же почистить коровник, но вряд ли тот подвиг мог сравниться по значимости с очисткой Авгиевых конюшен.

Беда обвалилась на деревню внезапно, как обычно умеет делать лишь только она. Это случилось в один из тех немногих вечеров, когда он все-таки вылез из дому. Неуемная вечерняя тревога порой выгоняла его из четырех стен, собирающих ненавистный сумрак в углах, словно висящая под потолком липкая лента – назойливых мух. Обычно он шел к реке, на тот самый берег, обвалившийся край которого когда-то наполам разорвал его жизнь. Вряд ли его тянули туда воспоминания, просто оттуда дольше был виден закат солнца, отчего поганая тьма наступала там чуточку позже.

В тот вечер солнце уже село, но чернота ночи еще не успела опуститься на землю, и он поспешил назад, чтобы вернуться домой до наступления полной темноты. Он еще не вышел из растущего на прибрежной круче березняка, как едва не споткнулся обо что-то, лежащее под белыми, словно светящимися в полумраке стволами. Он почувствовал холод, сбежавший вниз по спине, но все же нагнулся и осторожно дотронулся кончиками пальцев до странного продолговатого предмета, своими очертаниями смутно напоминающего маленькое человеческое тело. Он вздрогнул и резко отдернул руку – его пальцы коснулись чего-то по-настоящему липкого! Быть может, перед ним лежал овеянный кусок его ночных страхов, пытающийся принять облик человека?

Первым его желанием было убежать, тем более что темнота наступающей ночи давила на него все настойчивей, заставляя сгибаться под ее вполне осязаемой тяжестью. Но тут из-за облака выплыла луна, и хоть он не особо любил ее мертвенный свет, сейчас ему стало все-таки легче и от этих неярких лучей. Лунный свет пробился сквозь разрыв между березовыми кронами и осветил то, что было у него под ногами.

Он не удержался и вскрикнул – перед ним лежал человек. Точнее, то, что когда-то было человеком. Теперь же это казалось разорванной почти наполам куклой – широкий, черный, блестящий в лунных лучах разрыв тянулся от паха почти до груди. На лице трупа застыло выражение такого ужаса, будто подступившая вечная темнота напугала умирающего еще больше, чем пугала обычная тьма его самого. Глаза погибшего тоже блестели в лунном свете и, приглядевшись, он с криком неподдельного отчаяния признал в изорванном теле соседскую девочку, десятилетнюю Люсю.

Только теперь он заметил и то, что тело было полностью голым, и что темные пятна вокруг, которые он принял за лужи крови, оказались на деле кусками одежды несчастной девочки.

Он по-звериному взвыл, упал на колени, и трясущимися руками стал заталкивать разбросанные по траве внутренности в брюшину трупа. Скользкие окровавленные кишки жгли ему ладони, и хотя это и было всего лишь самовнушением, он все-таки осознал, что они и на самом деле теплые, а это значило, что девочку убили совсем недавно, и что убийца, возможно, стоит где-то рядом, спрятавшись за стволом одной из берез. Он, не поднимаясь с колен, испуганно зашнырял вокруг взглядом, но, конечно же, никого не увидел. Да и как можно увидеть черное на черном? Ведь в том, что злобная тварь непременно имеет цвет ночи, он даже не сомневался.

Нахлынувшая ненависть выдавила из него страх. Он резко вскочил на ноги и закричал что есть мочи:

– Эй, ты, гад! Черный, вонючий ублюдок! А ну, выходи, сейчас ты будешь иметь дело со мной!

Никто на его зов не откликнулся, зато на него вдруг снизошло озарение: вот он, большой, огромный, исключительно важный повод сделать что-то по-настоящему великое и нужное! Он должен, непременно должен разыскать и наказать убийцу! Конечно же, не сейчас, ведь проклятая темнота стала верной союзницей этому зверю. Но все равно, пусть не сейчас, но в ближайшие дни он найдет это черное исчадие ада! И он вслух, отчетливо и громко поклялся в этом перед разорванным Люсиным телом. А потом, кое-как водрузив на место выпотрошенные внутренности, он, как смог, обернул труп обрывками платья, поднял его и понес к родному селу, почти не обращая внимания на царящую вокруг ненавистную тьму.

Он почти не помнил дальнейших событий того вечера. Истошный вой соседки, гомон набежавших односельчан, причитания его собственной матери добились остатки его самообладания, и он, сам отчаянно зарыдав, как был, в окровавленной одежде, с черными от запекшейся крови руками, ворвался в свою тесную спальню, рухнул, не раздеваясь, на кровать, забрался с головой под одеяло и впервые за последние годы почувствовал облегчение от закутавшей его в липкий кокон темноты.

А на следующее утро кошмар продолжился. С воем рвалась зачем-то в их дом соседка, плакала, не пуская ее, мать, истерично при этом выкрикивая: «Это не он! Это не он!» Зазвенели осколки разбитого стекла – большой, с кулак, камень влетел в окно и ударился о печь, оставив на ее белом боку черную царапину. Потом пришел Степаныч, их участковый, долго о чем-то в сенцах упрашивал мать, а та упиралась, снова плакала и опять повторяла: «Это не он, это не он! Вы не имеете права его допрашивать!..» Затем она все же пустила Степаныча в дом и тот, постоянно вытирая потную красную лысину и отводя в сторону взгляд, хмуро цедил сквозь густые седые усы странные вопросы: зачем он раздел Люсю, что он с ней делал перед тем как убить, почему принес тело в деревню?..

Сначала он не совсем понимал смысл этих вопросов, а когда до него дошел их возмутительный смысл, сделал вдруг то, что никогда прежде не только не совершал, но о чем и помыслить даже не мог – он заорал, брызжа слюной, на участкового:

– Вы!.. Вы!.. Почему вы так?!.. Вы тоже за этого черного? Вы хотите спасти его? Нет, не выйдет! Я сам найду его, и вы увидите!..

Степаныч впервые посмотрел ему прямо в глаза. Во взгляде участкового не было больше почти не скрываемых презрения и ненависти. Теперь в них разгоралось неподдельное изумление.

– Что за черный? Ты там кого-то видел?

– Я не мог его видеть, там было темно, – ответил он, успокаиваясь. – Но мне и не нужно его было видеть, я его чувствовал.

– Степаныч, да неужели ты и впрямь на Коленьку думаешь?! – заголосила вновь мать. – Да ты же видел, как Люсенька изорвана! Разве бы у Коли на это силы хватило?.. Ой, и что я говорю-то, – замахала она руками, – да если бы и была та сила, разве он бы поднял руку на ребенка? Он ведь и мухи не обидит, ты же знаешь!

– Мало ли что я знаю, – снова вытер лысину Степаныч. – А Колька твой весь в крови был и не в себе...

– Как же ему не в крови быть, если он Люсеньку принес! Ты подумай сам, разве убийца понес бы ее прямо к матери?

– Смотри какой убийца... – буркнул, опять отведя взгляд, участковый. – Умный бы, наверное, не понес...

– Ты что этим хочешь сказать? – подскочила мать. – Что Коля идиот? А раз так – выметайся из нашего дома, не имеешь ты права умалишенных допрашивать!

Степаныч лишь крикнул, надел фуражку, поднялся и вышел.

А он посмотрел на мать с уважением:

– Спасибо, что выгнала его. И хорошо, что ты сказала ему, будто я сумасшедший. Теперь он не станет ко мне приставать и мешать мне.

– Мешать? – ахнула, всплеснув руками, мать. – Ты что, и впрямь убийцу искать собрался?

– Конечно. Ведь Степаныч мне не верит, а значит и искать его не будет.

– Думаю, не Степаныч искать будет, – с тревогой вздохнула мать, – из городу понаедут... Но я тебя им не отдам! Не имеют они права. Но и ты, Коленька, не лезь никуда, богом тебя молю!..

Он хотел ответить, что все равно сделает, что надумал, но потом все же решил зря не расстраивать мать.

Из города и впрямь «понаехали». В тот же день прибыл полицейский УАЗик, полный людей, и «труповозка». Трое полицейских вместе с участковым пошли к реке, а тот, что остался, принялся, как утром Степаныч, уговаривать мать, чтобы та впустила его в дом. Но на сей раз мать была неприступной. Он специально прислушивался и услышал, как она отшила сотрудника полиции:

– Если вы станете приставать к недееспособному, я напишу на вас жалобу вашему начальству. Я свои права знаю, не считайте меня деревенщиной.

Даже из-за двери было слышно, как в сердцах сплюнул сотрудник полицейский. Но приставать он и впрямь больше не стал.

Потом вернулись с места убийства остальные. Потом они зашли в соседский дом и долго оттуда не появлялись. Затем один из них выглянул на крыльцо, свистнул водителю «труповозки», тот достал из машины носилки и понес в дом. Вскоре оттуда вынесли и понесли к автомобилю закрытое белой простыней тело, за которым, воя, бежала Люсина мать.

Наконец все уехали, и на улице стало очень тихо. Мать наказала ему сидеть дома и куда-то ушла. Но он и без того не собирался идти сегодня на поиски. Во-первых, он очень устал, а во-вторых, понимал, что сегодня черный убийца будет осторожен и не выйдет на свой мрачный промысел.

А когда вернулась мать, она рассказала, что эксперты сделали вывод: чтобы так разорвать девочку, нужна была поистине нечеловеческая сила. Поэтому приставать к нему больше никто не будет. И еще она опять повторила, чтобы он оставил свои мысли насчет поиска убийцы.

– Если он такой зверь, – сказала она, – то он и тебя разорвет так же. А может, он и впрямь не человек...

«Конечно, не человек, – хотелось ответить ему. – Он исчадие тьмы!»

Но все же он благоразумно промолчал. Ведь он и на самом деле не был дураком, что бы о нем ни говорили.

Лишь через три дня, когда жизнь в селе потихоньку вернулась в обычное русло, он почувствовал: пора! Сегодня вечером черный враг снова выйдет на охоту.

Ничего не говоря матери, он дождался, пока та ушла доить корову, взял самый большой нож, которым обычно разделявали мясо, и направился к реке. Он пошел туда не по дороге, а скрытно, сначала огородами, затем вдоль кустарника, тянувшегося за деревней почти до самой реки. Правда, он вышел таким путем не к обрыву, а на пару километров выше него, но все же осторожность он посчитал более важной, ведь за ним вполне мог следить как участковый, так и, что было самым главным, черный кровавый охотник. И все же, вынуж-

денный крюк имел и неприятные последствия: пока он добирался вдоль реки до заветного обрыва, стало совсем темно. И если бы не луна, которая была полной и сияла ярче, чем в прошлый раз, можно было бы поворачивать к дому: вряд ли он что-то бы смог разглядеть и в паре шагов от себя.

Он не мог объяснить себе, почему он пришел именно к этому обрыву. То, что именно здесь была убита девочка, вовсе не значило, что черный убийца выберет это же место для нового преступления. Это даже выглядело нелогичным, но, тем не менее, он пришел именно сюда. Его будто что-то вело именно в это место, словно между ним и зверем возникла некая ментальная связь, следуя зову которой, он оказался именно здесь.

Он спустился к воде, чтобы умыть разгоряченное быстрой ходьбой лицо, но не успел этого сделать, потому что увидел, как вдоль лунной дорожки, дрожащей на речной глади, медленно плывет что-то большое, неприятно бесформенное, напоминающее огромную медузу с развевающимися по воде щупальцами.

Сразу заныло сердце, струйка холодного пота скатилась по спине. Он крепче перехватил рукоятку ножа и осмотрелся вокруг. Было темно и тихо. Тогда он побежал вдоль кромки воды, обогнал странный предмет и бросился наперерез ему в воду. К счастью, здесь было неглубоко; когда он добрался до цели, вода доставала ему не выше груди.

Он уже знал, что увидит, и не ошибся. По реке, волоча за собой развеваемые течением кишки, плыл изуродованный труп. На сей раз это был мужчина. Тоже раздетый догола, и тоже разорванный от паха до груди.

Он, преодолевая отвращение, взял тело за руки и поволок его к берегу, но вытащить из воды полностью не сумел: оно было большим, тяжелым и выskalывало из ослабевших рук. О том, чтобы нести его в село, не могло быть и речи. Однако следовало сообщить родственникам убитого о случившемся, и он наклонился к мертвому лицу поближе, чтобы понять, кто это такой. Не сразу, но он узнал его – это был Иван Спиридонович, его бывший школьный учитель.

Едва он выбрался к березняку над обрывом, как луна скрылась за облаком. Стало очень темно и по-настоящему жутко. Вдобавок, внезапно подул ветер, и ветви берез тревожно зашуршали, будто предупреждая его об опасности. Он собрался приготовить для возможной защиты нож, но только сейчас понял, что ножа в руке нет. Вероятно, он выронил его, когда вытаскивал из воды труп. Он хотел уже было вернуться к реке, но тут вдруг сверкнула молния, раздался близкий треск грома, и хлынул такой ливень, что спускаться по глинистому крутому откосу стало небезопасно.

Тогда он махнул рукой и побежал к деревне. Удивительно, но ему было почти не страшно, несмотря на окружающую его темноту, разрываемую яркими, ветвистыми зигзагами молний. Наверное, дело было именно в молниях, несущих в себе поистине гигантское количество света, пусть и кратковременного, но исключительно мощного.

Бежать по раскисшей дороге было трудно, разъезжались ноги, он несколько раз падал, вымазавшись в глине, словно сказочный голем. Вдобавок стало сильно колоть в боку, так что к дому учителя он добрался, едва держась на подгибающихся ногах, согнувшись в три погибели, сжимая руками стреляющий болью бок.

Дождь уже кончился, и супруга Ивана Спиридоновича, услышав, видимо, чавканье шагов, уже поджидала его на крыльце. Увидев, что это не муж, она вздрогнула и зажала рот ладонями, подавляя едва не вырвавшийся крик. Наверняка его вид был ужасен. Но гораздо ужаснее было то, что он сообщил ей, задыхаясь от усталости и боли.

Он провалялся в постели неделю. В его боку оказалась рваная рана – к счастью, не глубокая, но длинная и очень болезненная. Каким образом он умудрился ее получить,

понять он не мог. Вероятно, вытаскивая из реки труп, зацепился боком за подводную корягу, но в горячке не заметил этого.

Правда, никакого трупа у реки не нашли. Видимо, его смыло в воду ливнем и унесло вниз по течению. Поиски велись по обеим берегам километров на десять, были переданы сообщения в нижележащие села, но тело как в воду кануло, что в данной ситуации даже не являлось игрой слов.

К ним вновь приходил участковый, и вновь его не пустила мать. Правда, на сей раз Степаныч был не на шутку разгневан и кричал так, что он слышал его даже из спальни. Мать отвечала ему не многим тише.

– Раз так, – орал разъяренный блюститель порядка, – держи его взаперти дома! Еще один такой случай – и я сдам его в психушку, как социально опасного, на это я имею право.

– Но ты ведь знаешь, что это сделал не он! Ведь экспертиза доказала...

– Экспертиза доказала, что у твоего сына не хватило бы сил, чтобы разорвать девочку. Но у него вполне бы хватило их, чтобы столкнуть старика в воду!

– Боже, зачем?!

– Затем, что Иван Спиридонович добровольно вызвался дежурить вечерами у реки.

– И что с того? Коля не собирался никому ничего делать плохого, он очень любит людей, он был бы даже рад помочь Спиридонычу, которого он, между прочим, сильно уважал. Тем более, он... – Внезапно мать замолчала.

– Что? Договаривай, раз начала!

– Ты и сам знаешь. Он при тебе это говорил. Он сам хочет поймать убийцу.

– Вот! – отчего-то обрадовался участковый. – Вот именно – сам! А Иван Спиридонович ему, вероятно, мешал. Так его большой голове показалось. Вот он его и...

– Не смей! Не смей так говорить о моем сыне! Он умнее, добрей и порядочней тебя в десять раз.

– Насчет порядочнее – сомневаюсь, а вот умнее – это да-а-аа!.. – дурашливо протянул Степаныч.

Послышался звук, будто хлопнули в ладоши.

– А вот за это я уже тебя могу привлечь с полным на то основанием!.. – зло прокричал участковый, и за окном раздались его быстро удаляющиеся шаги.

Вечером мать села напротив, заглянула ему в глаза и спросила:

– Ты любишь меня, Коленька?

– Конечно, мама, – искренне поразился он, – конечно, я люблю тебя! Я люблю тебя больше жизни. Если ты скажешь, я убью себя, не задумываясь.

– Нет! – вскрикнула мать. – Не надо никого убивать! Я как раз об этом и хотела тебя попросить...

– О чем, мама? – удивился он еще больше. – Неужели ты тоже думаешь...

Мать не дала ему договорить, прижав к его губам шершавую, сухую ладонь и замотала седой головой.

– Пообещай мне, Коленька... – шепнула она и замолчала, сглатывая комок в горле.

– Что, мама? Я готов пообещать тебе все, что в моих силах.

– Это в твоих силах, – отдышавшись, сказала мать. – Пообещай мне, что ты не станешь убегать, когда меня нет дома. Я не могу быть все время с тобой.

– Конечно же, мама! Конечно же, я обещаю, что никуда не сбегу без тебя. Ты можешь мне верить и спокойно заниматься делами.

– Я тебе верю, – прошептала мать, и вот он-то ей сейчас не поверил.

Впрочем, он сдержал свое слово. Он не ушел, пока ее не было дома. Он сделал это, когда она вернулась с подойником, полным парного молока.

– Мама, мне надо идти, – сказал он.

– Куда?! Не пушу! – бросилась к нему мать, опрокинув подойник.

Молоко белой лужей растеклось по комнате. Любимый белый цвет придал ему уверенности.

– Мне нужно, мама. Действительно нужно. Очень!

Он не обманывал ее. Он в самом деле знал, что идти нужно сегодня, сейчас, не откладывая. Именно сегодня, он был уверен в этом, состоится его схватка с черным врагом.

Но мать обхватила его цепкими, сильными руками и прижалась к нему всем телом, отталкивая от двери.

Он тяжело вздохнул, сорвал с гвоздя возле двери кольцо бельевой веревки, осторожно, но сильно отнял от себя руки матери, подтолкнул ее к стулу и прочно привязал к спинке. Из глаз его текли при этом слезы, он приговаривал, всхлипывая:

– Прости меня, мама. Мама, прости! Мне надо, очень-очень надо! Ты скоро узнаешь, скоро все узнают, что я лишь хочу всем добра.

Он выскочил из дома, забыв от волнения взять нож. Вспомнив об этом на полдороги к реке, он хотел повернуть назад, но тут же махнул рукой и лишь прибавил ходу. Дорога была каждая минута, а с черной бестией он готов был сразиться и голыми руками, настолько переполнял его праведный гнев, придавая телу новые силы.

Он торопился еще потому, что сегодня жертвой исчадия должна была стать Оля. Да, та самая Оля – никакая не Лена и не Света, – с которой он целовался в то роковое лето. Откуда он знал, что напасть должны именно на нее, он не смог бы ответить, да это было сейчас и не важным. Важно было спасти Олю, его первую любовь, и уничтожить черного зверя, его первую ненависть.

Думая об этом, он вовсе не замечал так пугающей его совсем еще недавно темноты, которая вновь неукротимо опускалась на землю. Потеряв время с матерью, он опоздал к закату. Но и это не досаждало ему. Он еще налюбуется светом, когда покончит с настоящей тьмой – жестокой, свирепой и коварной!

Теперь же – он даже не отдавал себе в этом отчета – ему и вовсе не нужен был свет, он прекрасно стал видеть в темноте. И он вдруг увидел Ольгу – столь близко, что почувствовал давно забытый горьковато-сладкий запах ее волос. Да это было и немудрено, ведь он крепко держал ее сзади за талию, приставив к ее горлу нож. Тот самый нож, который он вроде бы потерял.

Странно, он видел все это словно с двух точек: оттуда, из-за спины до немоты напуганной девушки, и спереди, в какой-нибудь паре шагов от нее.

– Не подходи, – сказал он. Тот он, который был с ножом. – Иначе... – он напряг руку, словно готовясь полоснуть Ольге по горлу.

– Я стою!.. – сказал другой он. – Но... почему? Как?.. Что это значит?

– Знаешь, это как у летчиков есть ведущий и ведомый, так и у нас есть опережающий и опережаемый. Угадай, кто из них ты?.. Просто я опережаю тебя, вот и все. Всегда. С тех самых пор. Ты сам знаешь. И всегда знал. И даже помнишь, как это было.

Он и в самом деле помнил. Помнил и раньше, а теперь увидел эту картину в памяти и вовсе отчетливо: разрывается берег, рушится вместе с ним к черной воде, и он разрывается тоже, и одна его часть остается в густой темноте, а вторая падает в такую же темноту внизу. Только кто он – тот что остался, или тот, что упал?

Тот он, что держал Ольгу, расхохотался:

– Говорю же, я всегда опережаю тебя! опередил и тогда, упав первым. Я первым достиг тьмы. Знаешь, как я люблю ее? В мире нет ничего совершеннее черного цвета.

– Неправда! Совершенней всего белый цвет! Чистота – это самое прекрасное, что может быть в мире.

– Белый цвет, фу!.. – скривился он, тот, что с ножом. – Его так легко испачкать. Черный цвет идеален. На нем не может быть пятен.

– Но для чего ты убиваешь людей?! – воскликнул он, сделав полшага вперед.

– Стой, где стоишь! Я убиваю их, чтобы скорей подарить им тьму. Я совершаю для них истинное добро, а не стремлюсь к ничемной славе, которую возжелал вдруг ты. – Он с ножом снова захохотал. – Ты никогда ничего не достигнешь, потому что я всегда опережаю тебя, как тьма всегда опережает свет.

– Нет же, нет! – закричал он, делая еще полшага. – Сначала идет свет, и лишь потом его ненадолго гасит тьма!

– Ненадолго? А где был твой свет миллиарды лет назад и где он будет через миллиарды лет в будущем? Сама Вселенная – это сплошная тьма, разбавленная лишь крохотными, хлюпенькими недолговечными искорками. Ты знаешь, что темная материя составляет основную массу галактик? Конечно же, знаешь, ведь ты – это я. Только ты – моя слабая, светлая часть. Тьма сильнее света стократно. Я легко раздираю тела, а ты не сможешь оторвать и мизинец!

– Отпусти Ольгу, и давай померяемся, кто из нас слабый. Прикрываться женщиной – это и есть самая настоящая слабость.

Он с ножом отшвырнул девушку с такой силой, что она пролетела несколько метров, едва не разбив голову о древесный ствол. Он без ножа прыгнул на свою черную ипостась, но понял вдруг, что он – это и правда он: единственный и неделимый, хоть и состоящий из двух половинок. И он отчетливо понял, что как день сменяет ночь, так и ночь сменяет день, что не может быть опережающей тьма, как не может быть опережающим свет, и что в мире вообще есть все остальные цвета спектра, кроме черного и белого, которых в чистом, идеальном виде попросту не существует в природе. А ведь он их так любил – черный и белый! Только черный и только белый. Какой же смысл оставаться в мире, в котором их нет?

Неизвестно, какой из двух его «я» стал в этот раз опережающим, когда нож вошел в грудь против сердца сильно, с хрустом, по самую рукоятку. Последней вспышкой его сознания была уже не глупая надежда славы и добра, а всего лишь желание увидеть долгожданную тьму. Но он не увидел ничего, потому что там, куда он ушел, не было цвета. Впрочем, он не ушел. Он просто туда вернулся.

Степаныч не успел всего на чуть-чуть. Когда тебе под шестьдесят, трудно угнаться за двадцатилетним психом...

Он увидел под белесо-призрачными, будто фосфоресцирующими в темноте стволами берез более светлый чем трава бугорок и дрожащей рукой направил туда луч фонаря. Он был уже почти уверен, что увидит там окровавленное, разорванное тело. Но там лежала, зажав от яркого света глаза ладонями, живая и на первый взгляд невредимая девушка.

– Жива? – шумно дыша, прохрипел участковый. – Где он?

Девушка отняла от глаз руки и молча махнула в сторону. Степаныч направил туда луч фонаря. В черной траве что-то ярко блеснуло. Это был нож. Обычный хозяйственный нож для разделки мяса с широким, длинным лезвием и наборной, двухцветной, словно жезл гаишника, ручкой: черный и белый, черный и белый, черный и белый...

Они придут

*Рано или поздно кто-то обязательно приходит.
(Кто-нибудь когда-то да сказал)*

Он проснулся, осознавая: «Они придут». Что это было – остатками сна, обрывком старого воспоминания, случайным «замыканием» мозговых синапсов в момент пробуждения? Но откуда в таком случае это непрерываемое, отчетливое убеждение? Он был уверен, что они придут, не имея даже понятия, кто такие «они». Знал только, что придут они к нему. За ним. И что ничего хорошего ждать от этого прихода не стоит.

Сначала он пытался проанализировать свое убеждение, вычислить его подоплеку, определить источник опасности. Но ничего в голову не приходило. Под недружелюбно-зловещим «они» могли скрываться некие кредиторы, но он много лет не брал ни у кого в долг, не состоял заемщиком в банках, не являлся ответчиком по исполнительным листам. К нему не имело смысла приходить рэкетирам, поскольку он никогда не занимался бизнесом. Ему не могли предъявить претензии обманутые мужья, брошенные женщины, незаконнорожденные дети, потому что таковых в его биографии попросту не имелось, как, впрочем, детей и женщин вообще. Даже банальным ворам нечем было бы поживиться в его доме. Так кто же тогда эти «они»? Охотники за внутренними органами? Инопланетяне? Потусторонние скупщики душ? Неведомые силы тьмы?

Перед внутренним взором возникла картина: темное, мрачное, нависшее тяжелой могильной плитой небо. Кажется, будет гроза, но воздух сухой, застоялый, будто и впрямь пропитанный запахом тлена. Однако молния все же сверкает. Нет, это не молния. Это широкой огненной трещиной разверзлись черные небеса. И оттуда, из кроваво-алой щели, протянулись к замершей в ледящем ужасе земле длинные извивающиеся щупальца. Но они тянутся не просто к земле, не наугад, не наудачу. Толстые змееподобные отростки ищут что-то конкретное. Впрочем, ему и так уже ясно, что именно они ищут. Вернее, кого. Щупальца, влажно поблескивая отсветами небесного пламени и конвульсивно подергиваясь, судорожно мечутся в поисках только его...

Картина выглядела настолько реально, что он невольно зажмурился. Однако это не помогло – веки не способны закрыть внутренний взор, не могут оградить от того, что происходит по другую их сторону. Тогда он лихорадочно затряс головой, прикрыв для чего-то ладонями уши. Видение начало стремительно блекнуть, пока не исчезло совсем. Да, это, к счастью, было всего лишь видение, разыгравшаяся в напуганном сознании фантазмагория. Но осознание этого не принесло ему полного облегчения. Он все равно знал: «Они придут».

Непонятная уверенность не находила правдоподобных объяснений. И, тем не менее, она оставалась в нем, не делаясь зыбче, как это происходит с увиденным сном или случайно ухваченной мыслью. И, словно пытаясь еще сильнее убедить его, не дать позабыть, всё в этот день старалось ему напомнить об этом. Утром, выходя из квартиры, он столкнулся с соседом, который, стоя на пороге, напомнил жене: «Они придут». Впервые услышав эту фразу, произнесенную вслух, он испуганно вздрогнул. Однако тут же успокоил себя: это могло означать что-то совершенно безобидное; скорее всего, соседи просто ожидали гостей, сантехника, электрика, денежный перевод. Но фраза была произнесена, и его уверенность в неизбежности предстоящего получила свое подтверждение. Пока только одно, но даже то, что эти два слова стали первыми, услышанными сегодня, уже сказало ему о многом. Тем более, вскоре он услышал их снова. А потом еще, еще и еще...

До пешеходного перехода оставалось шагов десять, когда зеленый сигнал светофора начал мигать. Бежать не имело смысла, да он пока никуда и не опаздывал, в отличие, видимо, от выскочившего из-за его спины мужчины. Тот, размахивая толстым потрепанным портфелем, мчался к переходу изо всех сил. К проезжей части мужчина поспел как раз в тот момент, когда светофор зажег для пешеходов красный свет. Однако это не остановило опаздывающего. На что он рассчитывал? Неужто думал, что сможет перемахнуть шестиполосную дорогу за доли секунды? Или что рванувшие с обеих сторон перекрестка машины войдут в его положение и сами прижмут к барабанам колес тормозные колодки, не рассчитывая на реакцию водителей?.. Которой, конечно же, хватило не всем. Красный потрепанный «жигуленок» ударил мужчину краем капота в бедро. Удар был не особенно сильным, развалюха не успела еще разогнаться, но его оказалось достаточно, чтобы сбить торопыгу с ног. Взлетел и раскрылся портфель, повестками смерти заскользили к асфальту бумаги. Мужчина упал прямо под колеса черного внедорожника, который, дважды подпрыгнув на живой еще «кочке», принялся заполошно и бестолково сигналить. А в это время едущая следом «Газель» завершила начатое, остановившись задними колесами прямо на спине несчастного. Быстро растекающаяся под головой лужа крови словно запоздало вещала: «Красный! Красный! Красный!..» Ее безмолвные вопли накрыл, будто маленьким саваном, белый листок.

Визг тормозов, скрежет металла, крики очевидцев слились в диссонансный аккорд. А потом наступил долгий такт неестественной тишины. И – трехтоновое пиликание набирающего тревожный номер мобильного. Взволнованная скороговорка звонящего и облегченный выдох: «Они придут!»

Понятно, что речь шла о спасателях или медиках, хотя было вполне очевидно, что спасать и лечить уже некого. И все равно его передернуло: второе напоминание! Второе подряд и такое на сей раз недвусмысленное.

Он добрался до работы совершенно бессознательно, как сомнамбула, не видя и не слыша ничего вокруг. В себя его привело напоминание сослуживца:

– Они придут! Ты слышишь, они придут! Да что с тобой? Проснись же!

– Кто?.. – разлепил он склеенные ужасом губы. Онемевший язык с трудом шевелился в пересохшем рту. – Кто придет?

– Аудиторы. Неужто забыл? Все подтвердилось, они придут уже сегодня.

Смысл этих слов доходил до него долго. Зловещее «они придут» затмевало собой все остальное. Но когда осознание все-таки наступило, он почувствовал столь непередаваемое облегчение, какое должен, наверное, чувствовать приговоренный к смертной казни, узнав о помиловании. Аудиторы! Ну конечно же, аудиторы! Как он мог об этом забыть? Ведь в конторе вчера целый день говорили только об этом. Разумеется, и во сне эту информацию продолжал пережевывать мозг. Отсюда и уверенность в том, что они придут. «Они» – это всего лишь инспекторы из налоговой! Предстоит всего-навсего проверка финансовой деятельности конторы, о которой слишком поздно стало известно.

– Не пойму, почему ты сияешь? – свел брови коллега. – Или не знаешь, чем это чревато?

– Знаю, – не сумел он спрятать улыбку. – Они придут!

Захотелось броситься в пляс. На него смотрели, как на помешанного, но сейчас ему было на всех и на всё плевать.

Радость длилась недолго, до половины пятого, когда бухнула выстрелом новость: выбросилась из окна главный бухгалтер конторы. Он не ринулся вместе со всеми вниз смотреть на измятое тело. Ему и отсюда, с тринадцатого этажа, все хорошо было видно. И не только жуткий, обведенный кровавой помадой оскал на белом лице мертвой бухгалтера, но также и то, что никакие аудиторы не «они». А если и «они», то не для него, а для

этого вот истерзанного земным притяжением трупa. Невольно он позавидовал главному бухгалтеру. Для нее «они» уже пришли. Он же по-прежнему вынужден ждать. Ожидание страшного куда нестерпимее, чем предвкушение радости.

Словно в подтверждение его мыслей, из-за двери прозвучало:

– Они придут.

– Уже сообщили?

– Да, сразу же. Они придут.

Его не смогла обмануть кажущаяся логика услышанного. Вроде бы речь шла о родственниках погибшей, но он-то уже знал: это очередное сообщение для него. Они придут. Это так же очевидно, как и наличие силы всемирного тяготения.

Возвращаясь домой, он отовсюду слышал зловещую фразу. «Они придут», – говорили друг другу и в телефоны прохожие. «Они придут», – шептались между собой пассажиры маршрутки. «Они придут», – делились новостью дети во дворе. Даже ступив за порог и закрыв на оба замка входную дверь, он услышал, как тишина его одинокой квартиры многозначительным вязким молчанием сообщила ему: «Они придут».

Когда стремительно почернело небо, он всюду зажег свет. Затем исследовал каждый закуток ставшей вдруг незнакомой квартиры, каждый шкаф, каждую тумбочку, каждый ящик стола. Не остался без внимания ни один предмет мебели – он заглянул в каждый и под каждый из них. В конце концов перевернул все вверх дном, а напоследок открыл даже унитазный бачок.

Он не смог бы ответить, что именно искал. А точнее – кого. Просто хотел убедиться, что «они» еще не пришли. И все же, скорее всего, он надеялся найти их, потому что уже хотел, желал, чтобы нестерпимая мука ожидания поскорее закончилась. Неважно чем. Ждать больше не было сил.

Не выключив света, он лег на кровать, понимая, что вряд ли заснет. Когда, мигнув, погасли все лампы, он даже на миг не допустил мысли, что это всего лишь технические неполадки. Он был уверен: это «они», и, затаив дыхание, напрягся, сжавшись в комок. Несмотря на окружающую его полную тьму, он хотел зажмуриться, но осознал, что не может этого сделать, словно веки оставались последней преградой, отделяющей его сознание от небытия. Его взгляд, словно сам по себе, не подчиняясь более его воле, переместился к окну. В темноте окна не было видно, но память услужливо нарисовала в сознании прямоугольник – черным по черному. Траурной рамкой по мраку. Он вдруг с ужасом вспомнил, что не задернул шторы. Это значило, что он всматривался сейчас прямо в небесную тьму. А скорее, это как раз тьма всматривалась в него – намеченную к скорому закланию жертву. Вспомнилось утреннее видение: могильно-черное небо, пропитанный запахом тлена воздух. Теперь оставалось дожидаться, когда разверзнутся огненной трещиной небеса и протянут к нему змееподобные щупальца. Он больше не думал о том, что это всего лишь большие фантазии разыгравшегося воображения. Теперь он был твердо уверен, что именно так и случится. Они придут, они придут, они придут...

Он так и не дождался подтверждения своей непоколебимой уверенности. Санитары из морга пришли за ним лишь на третий день, когда пропитавший комнату запах смертельного страха разбавил сладковатый душок начавшегося разложения.

Урочище Огненных духов

Паровоз, вяло шевеля колесными дышлами, устало отфыркивался, окутывая перрон клубами пара. Поезд почти остановился, а мне все еще казалось, что он прибыл с одной только целью: уничтожить меня. Подмять, раздавить, изрубить тяжеленными ножами-колесами.

Наверное, эта глупая фантазия посетила мою голову оттого, что я в принципе отвык от поездов. А к паровозу в роли локомотива вряд ли уже и привыкну. Он представлялся нелепым и жутким, словно оживший динозавр. Может, именно из-за этого и сам поезд вызывал во мне чувство невольного отторжения. Глупо, конечно. Учитывая, что это была не длинная железная гусеница из воспоминаний молодости, а всего лишь куцый огрызок: за паровозным тендером пристроилось всего три вагона – два пассажирских и крытый грузовой. Все они, потрепанные и грязные, выглядели очень старыми. Да и откуда взяться новым? Последние двадцать лет все мы донашивали то, что осталось от лучших времен.

Второй вагон удивил меня решетками на окнах: ржавыми арматурными прутьями, приваренными явно наспех, вкривь и вкось. Но тут в головном вагоне открылась дверь, и мое внимание переключилось на человека, быстро спустившегося на перрон.

Навскидку он выглядел моим ровесником, вряд ли ему перевалило за пятьдесят. Хотя волос он растерял куда больше моего и посверкивал теперь загорелой лысиной под нежаркими лучами заполярного солнца. Остатки прически густо приправила седина. Седыми были и жидкие усики под длинным, слегка искривленным носом. Одет был мужчина в потертую кожаную тужурку, чем вызвал невольное сравнение с большевистскими комиссарами из старых фильмов. Впечатление усиливала пистолетная кобура, пристегнутая к туго затянутому поверх куртки ремню. Ниже наряд был вполне современным: камуфляжные штаны, заправленные в высокие ботинки армейского образца.

Мужчина огляделся, остановил на мне взгляд и неуверенно кивнул. Я кивнул в ответ и подошел к нему.

Голос у мужчины оказался густым и мягким. Эдаким, как писали в романах, бархатным.

– Иван Игоревич? – спросил «комиссар». Я снова кивнул. Он протянул руку. Ладонь, против моих ожиданий, оказалась твердой, шершаво-мозолистой. – Приятно наконец познакомиться лично. Профессор Губкин.

– Здравствуйте, Василий Артемович, – сказал я. – Мне тоже приятно.

Пожалуй, я не кривил душой. Мой заочный знакомый при личной встрече и впрямь показался мне приятным человеком. Помимо голоса, подкупали еще и глаза: голубовато-серые, умные, без той пренебрежительной снисходительности во взгляде, что зачастую присутствовала у людей высокого положения при вынужденном общении с «плебсом».

На перрон вышли три офицера. Не глядя в нашу сторону, двое из них направились ко второму вагону. Лишь один, лет сорока, высокий и плотный, остановился рядом. На нем была полевая камуфляжная форма с полковничьими погонами. Подчеркнуто не замечая меня, он козырнул Губкину:

– Прикажете начинать разгрузку, Василий Артемович?

– Познакомьтесь, – положил мне ладонь на плечо Губкин. – Это наш проводник, Иван Игоревич Фастов.

Я потянул было руку, но военный вновь козырнул:

– Полковник Дубасов.

Он смотрел вроде бы на меня, но взгляд его настолько явно фокусировался где-то за моей спиной, что я ощутил себя прозрачным. Впрочем, полковник быстро перевел взгляд на Губкина и снова спросил:

– Прикажете разгружать?

Профессор pokrutil головой и обратился ко мне:

– Где озеро?

– С той стороны, – показал я на вагон. – Совсем рядом.

– Отсюда можно отчалить?

– Вполне, – кивнул я.

– Начинайте, – сказал Губкин полковнику. Тот, козырнув, зашагал вдоль вагона, а профессор вытянул ладонь в сторону открытого тамбура: – Прошу ко мне.

В профессорском купе было уютно. Во мне шевельнулся сладкий ностальгический комок: прежде я любил ездить в поездах, правда, довольствуясь чаще плацкартными местами.

Губкин сел на мягкую бордовую полку, указав на сиденье напротив. Я присел и, внезапно почувствовав робость, стал теревить выцветшую грязно-желтую занавеску. За пыльным стеклом виднелось приземистое, такое же грязно-желтое, здание нашего вокзальчика, где размещалась моя так называемая школа, где жил я сам, и где обитало еще пять семей, не имеющих возможности построить собственный дом.

– Хотите чаю? – спросил Губкин. Он заметил мое смущение и мягко, по-доброму, улыбался.

– Да, – сказал я, хотя чаю не хотел. Мне просто нужно было собраться. Но я тут же почувствовал во рту давно забытый вкус настоящего чая и повторил, с радостью отметив, что неожиданная робость столь же внезапно прошла: – Было бы недурно.

Губкин поднялся и скрылся за дверью. Я огляделся. Купе выглядело нежилым. Постельное белье было уже убрано, лишь на перекладине у стены висело аккуратно свернутое полотенце. В вагоне было абсолютно тихо, возможно, профессор с полковником и теми двумя офицерами являлись его единственными пассажирами. Но при чем тут вообще военные? И кто ехал в зарешеченном вагоне?

Эти вопросы, откровенно говоря, меня не особо интересовали. После того как уехали Катя и Олюшка, меня вообще мало что интересовало в жизни. Любимой работы не стало двадцать лет назад. Кому нужны программисты, когда нет промышленности, нет экономики, науки, нормальной системы образования? То, что от них осталось, вполне обходилось без компьютеров. А уж сельскому хозяйству – основной теперь отрасли – было и вовсе не до них. К тому же – экономия во всем. Какие уж тут компьютеры-интернет и прочее баловство? Впрочем, мой древний ноутбук все еще работал. Аккумулятор давно не держал заряд, но от сети – когда в ней был ток – он по-прежнему исправно пахал. Жаль, не буквально. Пахать – в прямом смысле слова – было сейчас куда актуальней. Но я не умел пахать в этом смысле. А потому обучал, чему мог, местных детишек. Увы, их осталось всего трое. Двадцать лет назад в городе было три школы, а теперь он пуст и заброшен, люди перебрались ближе к земле – огородам, к озеру – рыбе, и лесу – грибам-ягодам и зверью-дичи. От двадцатитысячного населения осталось полторы сотни взрослых и трое детей. И один никому не нужный программист. Надо ли говорить, как я обрадовался, когда мне позвонил Губкин? Сам способ, которым он со мной связался, выходил за грани реальности. Из областного центра, который еще существовал за счет моря и рыбы, прибыла в первых числах июня подвода. Железной дорогой давно не пользовались, потому что не было паровозов, да и нечего было по этой дороге возить. А на лошадях, запряженных в старые разбитые легковушки, мы раз-

другой за год в центр выбирались. Так вот, подвода прибыла в начале лета; это был переоборудованный под гужевую тягу микроавтобус, запряженный двумя лошадьми. Автобус был полицейский, с облезлой синей полосой по белому борту, и поселок – без того малоллюдный – тут же вымер. Как оказалось, напрасно, поскольку прибыли по мою душу. Но не забирать – да и за что, собственно? – а, напротив, чтобы мне кое-что передать. Спутниковый телефон! Я бы подумал, что это глупый розыгрыш, если бы не вытарашенные от подобострастия глаза областного начальника, который привез его лично. Через этот-то телефон я и пообщался впервые с профессором Губкиным. То, что он мне сказал, я тоже долго не мог воспринять всерьез. До сегодняшнего дня. Вот до этого самого момента.

– Кто заказывал чай? – вывел меня из раздумий жизнерадостный голос Губкина. Профессор вошел в купе, держа в одной руке два стакана в подстаканниках, а в другой – бумажный пакет.

– Извините, сахара нет, – сказал Губкин, поставив на столик стаканы. – Зато остались сухарики, – протянул он мне пакет. – Приятного аппетита.

Чай был остывший и плохо заваренный. Скорее всего, заварка использовалась по второму, а то и третьему разу. Но все равно, это был чай! Настоящий, а не суррогат из листьев брусники, кипрея и прочих заменителей. Губкин, потягивая из стакана, улыбался и глядел на меня. Мне это не понравилось. Профессор заметил это и перевел взгляд за окно.

– Что это у вас там? Мельница? – дернул он подбородком.

– Ветряк, – сказал я. – Местная электростанция. Смастерил один умелец.

– Вот как? А разве областной центр не снабжает вас электричеством? Там ведь, насколько я знаю, работают приливные станции.

– Снабжали. Но провода рвутся, подстанции выходят из строя. Первое время еще восстанавливали, но вот уже лет десять как бросили. Некому этим заниматься. Да и кому мы нужны?

– Лично вы нужны мне, – очень серьезно сказал Губкин и посмотрел мне в глаза. – И стране.

Он отставил в сторону пустые стаканы, поднялся, снял с багажной полки чемоданчик, достал из него лист бумаги и положил его на столик. Бумага была очень хорошей, белой и плотной, наверняка еще из старых запасов. На ней красовалась цветная карта. Точнее, фотоснимок, сделанный, судя по масштабу и охвату, из космоса. На меня снова повеяло ностальгией. Я бережно взял снимок в руки. Он показался мне знакомым. Ну, да, вот наше озеро, вот – светлые точки зданий города, а вокруг – леса, сопки, болота, речушки... Какие-то цифры внизу снимка. Из них понятны только те, что означают дату. Июнь нынешнего года.

– Постойте! – чуть не выронил я лист. – Вы хотите сказать, что это снято два месяца назад?..

– Ну да. Почему это вас удивило?

– Разве сейчас... запускают спутники?

– Нет, – печально помотал головой Губкин. – Но многие старые спутники, которые были запущены на высокие орбиты, еще летают. А некоторые из них продолжают работать. Вы ведь не удивились, когда мы говорили по спутниковому телефону?

– Удивился, – честно сказал я. – Но связь – это все же понятно...

– А разведка важна не менее связи, – понизил голос профессор. – Особенно – разведка полезных ископаемых. Тем более – нефти.

– Что? – поперхнулся я давно проглоченным сухарем. – Какой нефти, профессор? Ведь она же вся...

– Не вся! – резко перебил он меня. И более мягко добавил: – Надеюсь, не вся. Мы с коллегами высказали надежду, что зараза могла не добраться до полярных районов. И,

похоже, мы не ошиблись. Вот, – ткнул он пальцем в снимок, – это ведь то место, что вы описали в книге?

Я посмотрел, куда указывал палец. Это было Урочище Огненных духов, как называли его нееты. Четверть века назад я всерьез увлекался краеведением, изучал легенды коренной народности, которая и сама-то стала почти легендой. А в городе из неетов жили вообще единицы. С одним из них, Данилой Пахомовым, Данькой, мы даже стали друзьями. Я написал тогда книгу... Ну, не книгу, брошюрку, в которой описал и наш с Данькой поход к древнему Урочищу. Из-за нее-то и позвонил мне в июне Губкин. Он не скрывал, что ему от меня надо. Он хотел, чтобы я провел туда его. Только я не мог понять – зачем. И вот теперь...

Я кивнул.

– Да, это то место.

– Специальная аппаратура спутника, спектрографическая, в частности, сумела выявить в этом месте наличие живой нефти. Точнее, газов, сопровождающих ее залегание. Поверхностное, судя по всему, залегание. И, скорее всего, не в поровых коллекторах, а в пластовых залежах, возможно – попросту в свободном, так сказать, виде, всего лишь прикрытое вот этим, – пощелкал он по фотографии ногтем, – каменным колпаком. Вы представляете, что это значит?

Я представлял плохо. Нефть на Земле была заражена двадцать лет назад. Не важно, по чьей вине и как. Но она умерла, погибла, превратилась в бурю грязь, вонючие помои. Заражение прошло по планете единой волной, за несколько дней не оставив на ней ни капли нефти. Неужели могло быть правдой то, что говорил профессор?

– Но даже если это так, – слегка пришел я в себя, – то этой нефти очень мало! Это же капля в масштабах планеты!..

– Ну, во-первых, нас больше интересует отдельно взятая страна, нежели вся планета, – улыбнулся довольный произведенным эффектом профессор, – во-вторых, спутники обследовали не все полярные районы, а в-третьих... В-третьих, у нас имеются некоторые сообщения, знать о которых, вам, увы, не положено. Но вы окажете огромную услугу стране, если выполните то, о чем я вас просил.

– Проводить вас к Урочищу... – прошептал я, словно во сне.

– Проводить нас к Урочищу, – положил мне ладонь на плечо Губкин. – А сейчас пойдете посмотрим, как там идет разгрузка.

Разгрузка шла полным ходом. Из товарного вагона по брусьям-лагам спустили на землю, на установленные там железные тележки, шесть новеньких, тускло поблескивающих шаровой краской баркасов. Все это делали... женщины. Молчаливые угрюмые женщины в серой, под цвет лодочных бортов, одежде. Около десятка военных с автоматами наперевес наблюдали за работой. Я недоуменно посмотрел на Губкина. Тот уловил мой взгляд, поежился и буркнул:

– Кого дали...

– Кто дал? В каком смысле дали?

– Работников. Мне ведь нужны работники, – повернулся ко мне профессор. Усы его обиженно подрагивали. – Я попросил – мне дали. Заключенных.

– Но почему женщин?

– Потому что мужчины заняты на более важных работах, – сказал Губкин с сарказмом. Но продолжил уже другим тоном, будто бы даже оправдываясь: – Вы ведь понимаете, что стране нужны руки! И потом, что вы так переживаете? Выгрузить баркасы – самая тяжелая часть работы. Да и то, вы же видите, они без труда с ней справляются. А потом – короткое плавание, совсем небольшой поход по лесу... Это ведь почти турпоход! Они даже рады развезься.

– Что-то не вижу на их лицах радости, – буркнул я. – И бочки... – Я увидел, как из вагона сгружают большие, около метра высотой, ярко-синие железные бочки. – Они ведь понесут их назад полными?

– Я надеюсь, – выделил голосом Губкин, – что они понесут их полными. – Он угрюмо засопел. – Но ведь нести будет недалеко. Вы же сами говорили, что от Урочища до озера километров десять. Да еще под горку. Сделаем носилки... В бочках чуть больше двухсот литров, нефть легче воды, так что вес будет примерно как у тучного человека. В конце концов, они заключенные, Иван Игоревич! Они нарушили закон, а теперь честным трудом искупают свою вину. Ничего с ними не случится.

Настроение у меня испортилось. Стала портиться и погода. На севере это случается часто и происходит быстро. Подул ветер. На чистое синее небо натащило облаков, которые в считанные минуты затянули его сплошной светло-серой пеленой. Стал накрапывать мелкий дождик.

Я набросил на голову капюшон ветровки и продолжил смотреть, как работают женщины. Я насчитал ровно пятьдесят человек. Дружно и ловко они погрузили бочки в баркасы, затем встали по шестеро-семеро вдоль бортов и покатали лодки к озеру. Все это получалось у них довольно ловко и на взгляд действительно легко. Я уже стал жалеть, что сцепился по этому поводу с Губкиным. В конце концов, профессор и впрямь был не виноват, что ему выделили женщин.

Я бросил вслед заключенным работницам взгляд и стал уже поворачиваться, как мое внимание привлекла худенькая фигурка, что толкала в корму последний баркас. Женщина выглядела совсем юной. Она была на голову ниже товаров, из под серого платка выбилась светло-русовая прядь. «Совсем как моя Олюшка, – обожгло меня холодом. – А вдруг?..» Но военный, следовавший за девушкой, прикрикнул: «Зарецкая! А ну, приналяг!», и холод исчез. Я быстро отвернулся.

Губкин озабоченно переводил взгляд с неба на потемневшее озеро, покрывшееся гребнями волн.

– Можно переждать, – перехватил я его взгляд.

– А если станет еще хуже?

– Вполне возможно, – сказал я. – Это север. Угадать трудно.

– Тогда выйдем сейчас. Как только механики наладят машины.

Только теперь, когда первые баркасы спустили на воду, я заметил посреди каждого из них большие черные короба, к одному из которых двое военных крепили трубу.

– Ого! – не удержался я. – На паровом ходу! Не оставите парочку после того как вернемся? Нашим рыбакам они бы оченьгодились.

– А уголь где будете брать?

– Тьфу ты, – сказал я. – Ну, хоть на веслах. Или парус бы приспособили.

– Посмотрим, – буркнул профессор. – Сначала нужно вернуться.

Похоже, настроение испортилось и у него.

Пары развели быстро. Деловито зачавкали моторы. Над трубами всех шести баркасов за клубился, прижимаясь к воде, черный дым. В пять лодок, по десять в каждую, посадили женщин. Туда же, по двое, расселись военные. Все они оказались офицерами, в званиях от лейтенанта до капитана. Меня неприятно удивило, что каждый из них, помимо АКМов, был вооружен еще широким длинным ножом, висевшим на поясе в ножнах, а также подсушком с гранатами. Как на войну собрались, неприязненно подумал я. Впрочем, наверное, так было положено. Время хоть и не было военным, но и очень уж мирным его трудно было назвать.

Я сбегал на вокзал за рюкзаком, и мы с профессором и полковником зашли на головной баркас. Молоденький лейтенантик растянул над нами брезентовый полог и встал у машины.

Стоило отчалить от берега, как прекратился дождь и стих ветер. И хоть небо оставалось затянутым, на душе стало радостней, будто сама природа дала нам «добро».

Я посмотрел на сидящего рядом профессора. Он был нахохлен, словно замерзший воробей, и чрезвычайно задумчив. Кожаная кепка, которую он достал из рюкзака и надел лишь перед самым отправлением, была надвинута по самые брови. Сидевший позади нас полковник даже на окружавшие озеро сопки поглядывал свысока. Похоже, он презирал их за недостаточную высоту и малую лесистость. Лейтенантик периодически подбрасывал в топку уголь, управлял баркасом и не обращал внимания на окружающие пейзажи.

Ближе к корме лежали свернутые в бухты шланги и некий разобранный механизм, в котором я угадал насос по длинному, с двумя поперечными рукоятями, коромыслу.

«Неужели и впрямь мы будем качать... нефть?» – подумалось мне. В это совершенно не верилось. Не удержавшись, я спросил у профессора:

– Василий Артемович, ну, хорошо, найдем мы там нефть. Накачаем. Сколько у нас бочек? Пятьдесят? По двести литров в каждой – значит, десять тысяч литров, так?

Губкин оторвался от дум и, посмотрев на меня, кивнул.

– Это, конечно, немало, – продолжил я. – Но, в принципе, это же капля в море! Зачем столько хлопот? Можно было сходить туда налегке, разведать, взять пробы, а потом, если нужно, организовать нормальную добычу. Не мне, конечно, советовать...

– Вот именно! – прожег меня взглядом Губкин. Но тут же смягчился, положил мне ладонь на плечо и тихим, едва перекрывающим чавканье двигателя голосом сказал: – Вы меня простите, но это и правда секрет. Не лично мой, как вы понимаете. Это ведь дело большой государственной важности. Но я вам скажу одно... – Тут глаза профессора заблестели, он придвинулся ближе и горячо зашептал мне в ухо: – Я сделал открытие! Я научился восстанавливать нефть, лечить ее. Да-да! Именно лечить. Суть метода я не могу вам открыть, но проблема состоит в том, что для восстановления мертвой нефти нужна нефть живая. В незначительных количествах, но нужна. Эти десять тысяч литров, что мы привезем, превратятся...

– Профессор! – раздался грозный рык сзади. – Не забываетесь!

– Это вы забываетесь, полковник, – обернулся Губкин. – В конце концов, это мой проект...

– Ваш, – ответил, будто сплюнул, Дубасов. – Вот и держите его при себе. В противном случае тех, кто узнает лишнее... – Он положил руку на кобуру. – Надеюсь, вы поняли.

Оставшиеся два часа плавания прошли в полном молчании. Я пытался осмыслить то, что узнал, но, понимая разумом безусловную нужность мероприятия, обещавшего поистине фантастические перспективы, морально все больше и больше раскисал. Что-то подспудно грызло мне душу. Снова вставала перед глазами картинка: прущий прямо на меня поезд, огромные стальные колеса, готовые изрубить меня на куски...

Я задремал, и очнулся лишь, когда Губкин стал трясти меня за плечо:

– Судя по карте, мы уже рядом. Где лучше причаливать? Где тропа?

Я посмотрел в сторону берега. На фоне серого неба темнела длинная невысокая гряда. Вскоре я увидел и бухту, куда приставали мы когда-то с Данькой. Я указал на нее рукой. Дубасов поднялся и замахал следовавшим за нами баркасам.

Вскоре наша лодка мягко прошуршала днищем о каменистое дно. Полковник вышел первым и отправился к причаливающим баркасам с женщинами. Губкин остался на месте. А мне не терпелось размять ноги.

Балансируя на мокром носу баркаса, я пропустил момент, когда это случилось, а, услышав крики и повернувшись к соседней лодке, увидел лишь бегущего к кустам военного, срывающего с плеча автомат. Крикнув: «Стоять!» он передернул затвор и с треском вломился в гущу молодого березняка. Заметались по берегу успевшие сойти с лодок женщины. Теперь уже крики: «Стоять!» слышались отовсюду. Клацали затворы автоматов. Прозвучала наконец и первая очередь.

– Не стрелять! – завопил вскочивший с сиденья профессор. Оттолкнув меня, он резво выпрыгнул на берег и помчался к Дубасову.

– Прикажете, чтобы никто не стрелял! Нельзя! Ни в коем случае!..

– Они стреляют в воздух, – огрызнулся полковник. – Не лезьте не в свое дело.

Как раз в этот момент раздалась еще одна очередь. Совсем короткая, два-три такта. Звук шел из леса.

– А он?! – вновь закричал Губкин. – А тот? Он тоже стреляет в воздух?! Он не убьет ее?..

– Не убьет, – ответил Дубасов. Но уверенности в его голосе не было. Он повернулся к своим и крикнул: – Старший лейтенант Кожухов! Бегом к Селиванову! Приказ: не стрелять. Брать дуру живьем.

Но не успел офицер добежать до кустов, как оттуда вышел упомянутый Селиванов. Он был бледен и судорожно сжимал в руках автомат.

– Где?! – рявкнул полковник. – Она жива?

Селиванов икнул. Помотал головой. С его белого лба капал в траву пот.

Дубасов медленно расстегнул кобуру. Достал пистолет и приставил дуло к потному лбу офицера.

– Нет!!! – опять завопил Губкин. – Не надо! Ни одной капли крови не должно быть пролито зря!

Мы рассчитывали дойти до Урочища к вечеру, но разыгравшаяся трагедия спутала все планы. Пока наводили порядок, искали и хоронили застреленную женщину, совсем стемнело.

– Полярный день, полярный день!.. – угрюмо бурчал профессор. – Где он, ваш полярный день?

– В наших широтах он только до конца июля, – машинально сказал я, все еще переживая случившееся. – А теперь уже август. Да и пасмурно.

Губкин досадливо отмахнулся и пошел к полковнику. После короткого разговора Дубасов стал зычным голосом отдавать распоряжения насчет подготовки к ночлегу. Офицеры, державшие на мушке сбившихся в кучу женщин, разделились. Часть их осталась с заключенными, приказав тем сесть на землю. Другие побежали разводить костры и ставить палатки. Почему-то всего две.

Я смотрел на эти действия, но думал совсем о другом. Я вспоминал свой разговор с профессором, когда почти в открытую обвинил его в том, что он взял в качестве подсобных рабочих женщин. Но я многого не знал, и позже вынужден был признать свою неправоту. И вот теперь я еще раз убедился, какой же на самом деле хороший человек Губкин. Он не просто переживал за несчастных женщин, он сам чуть не бросился под пули, лишь бы в них не стреляли. Да что там женщины – он и за офицера этого безмозглого вступился. А ведь, говоря откровенно, я бы не очень и пожалел, если бы полковник того расстрелял. В конце концов, было за что. Смерть за смерть, все справедливо.

Как оказалось, одна палатка предназначались для нас с Губкиным и Дубасовым, а вторая – для офицеров охраны, свободных от несения караула. Женщин рассадили вокруг центрального костра, еще шесть горело по окружности поляны.

Снова заморосил дождь. Поужинав, как и все мы, перловой кашей с редкими волокнами тушеной говядины, женщины легли там, где и сидели, тесно прижавшись друг к другу. Глядя на них, мокнувших под дождем, мне было стыдно залезать в палатку. Но и оставшись под ночным мокрым небом, я бы ничуть не облегчил их участь. К тому же, меня позвал недовольный голос профессора:

– Иван Игоревич! Где вы там? Учтите, подъем в пять утра.

Утро выдалось солнечным. Мне всегда нравился северный лес – невысокий, редкий, очень легкий, воздушный, будто ручное плетение. Катя любила вязать крючком белые ажурные салфетки под вазы. Вот и этот утренний лес был словно связан из кривоватых стволов берез и длинных ярких лучей утреннего солнца.

Настроение мое было под стать этой идиллии. До тех пор, пока взгляд не наткнулся на земляной холмик с краю поляны.

Позавтракали очень быстро. Столь же быстро собрались и тронулись в путь. Я шел впереди, отыскивая изрядно заросшую тропку. Порой она и вовсе пропадала, и тогда приходилось идти наугад, выбирая наиболее удобные проходы между деревьями, кустами и большими камнями, которые стали попадаться все чаще.

Идти пришлось в гору, и хоть уклон был не слишком крут, я старался сдерживать шаг, чтобы не так уставали идущие позади женщины. К тому же, они несли за спинами тару под нефть. Она была не очень тяжелой, но все-таки. Пустая бочка весила около двадцати килограммов, я узнал специально. Каждая из них была обмотана веревкой, концы которой, переброшенные через плечи, кто-то из женщин связал на груди, кто-то просто держал руками. Постоянно оглядываясь, я видел, как то одна, то другая из заключенных нагибались, чтобы сорвать и бросить в рот горсть спелой черники, щедро усыпавшей склон. Охранники покривали на своих подопечных, но скорей для проформы, поскольку и сами то и дело наклонялись, чтобы зачерпнуть горсть ягод.

Вскоре руки и губы женщин стали темно-лиловыми от черничного сока, и на многих лицах появилось выражение если не радости, то некой умиротворенности, а порою проскальзывало и некоторое подобие робких улыбок.

Губкин тоже заметил это. Он посмотрел на меня, иронично прищурился и шевельнул усами. Дескать, что я говорил? Турпоход! Прогулка в удовольствие.

Теперь я бы согласился с ним полностью, и дал бы себе зарок не делать впредь поспешных выводов. Если бы не земляной холмик, оставшийся на поляне.

Чем ближе подбирались мы к краю гряды, тем реже и ниже становилась растительность. И без того невысокие северные березки сменились карликовыми. Редкие ели все ниже прижимались к земле, напоминая о себе вскоре лишь плоскими хвойными нашлепками, похожими на срубленный и разбросанный лапник. Это была уже тундра – царство ягеля, оленьего корма, будто грязным весенним снегом облепившим верх склона.

Добравшись до каменистого гребня, я остановился, поджидая остальных. Даже Губкин, весь путь державшийся бодро, заметно отстал. И все же именно он поравнялся со мной первым. Тяжело и часто дыша, он несколько минут стоял согнувшись, уперев руки в колени. Потом выпрямился, снял кепку, отер ладонью лысину и посмотрел за гребень, где, окруженная невысокими зубчатыми склонами, словно лунный кратер, лежала широкая и круглая каменная долина, почти лишенная растительности. Лишь с противоположной стороны, там, где в гребне зияла широкая «щербина», виднелось зеленое пятно.

– Пришли? – спросил он, хотя это было ясно и так. – Где вход?

– Пещера? Вон там, слева, за выступом, – показал я.

– Пойдемте, – воскликнул Губкин. – Ну же, пойдемте туда!

Теперь уже мне пришлось догонять Губкина. Его фигура скрылась за упомянутым скалистым выступом, и я прибавил шагу. А когда снова увидел профессора – у самого входа в пещеру, – тот лихо отплясывал. Естественно. Вприсядку.

– Пахнет! Пахнет! – закричал он, бросаясь ко мне. – Вы понюхайте, пахнет ведь! Там нефть!..

Он вцепился мне в рукав и потащил к пещере. Но я выдернул руку и замотал головой:

– Нет, Василий Артемович, надо подождать остальных. Туда опасно лезть в одиночку.

Меня и неет в прошлый раз предупреждал... .

– Но нас же двое! – не унимался Губкин. – Пойдемте, прошу вас.

– Нет, – сказал я. И чтобы профессору не приспичило снова тащить меня за рукав, уселся на камень, сложив на груди руки.

– Тогда я пойду один, – буркнул Губкин и решительным шагом направился к входу.

Чертыхнувшись, я стал подниматься, но мое вмешательство не потребовалось. Из пещеры вдруг вышел человек и, раскинув руки, встал на пути профессора. Тот замер с поднятой ногой. Я же, напротив, вновь рухнул задом на камень.

Человек был очень стар. Его длинные, седые спутанные волосы свисали неопрятными сосульками почти до пояса. Бороду словно кто-то ощипал, оставив лишь несколько жиденьких перьев. Из одежды на старике был лишь грязный, облезлый кусок шкуры, наискось переброшенный через плечо и обернутый снизу вокруг худющих бедер. Да и сам этот «пещерный житель» был страшно худым. Не верилось, что в таком немогущем теле могла еще держаться душа. Но когда он заговорил, голос его оказался сильным и громким.

– Не делай больше ни шагу, – сказал он на чистом русском языке.

Услышанное сняло оцепенение с Губкина. Он опустил ногу и спросил:

– Почему это, собственно? И кто вы такой?

– Нельзя тревожить Огненных духов, – ответил старик, продолжая держать руки раскинутыми. – Я стерегу их покой.

– Он что, и тогда стерег? – обернулся ко мне Губкин. Судя по голосу, он полностью пришел в себя.

Я помотал головой. А потом сказал:

– Может, потому что я был тогда с неетом. Это ведь тоже неет.

– Ну вот что, папаша, – сказал профессор и хотел по привычке положить старику на плечо руку, но в последний момент отдернул ее и даже убрал за спину. – Мы твоих духов не тронем. Мы только туда быстренько сходим и посмотрим, как они там. – Он попытался обойти старика, но тот шагнул в ту же сторону и снова оказался перед Губкиным.

– Эй, дед, а ну уйди! – послышалось сзади. Оказывается, часть наших спутников уже подошла, и теперь к старому неету уверенно шагал полковник Дубасов, на ходу расстегивая кобуру.

– Погодите, полковник, – скривился профессор. – Сейчас я с ним договорюсь. Давайте дадим ему спирту. У нас ведь полно спирта! Вы любите спирт? – вновь повернулся он к старику.

– Да чего с ним церемониться!.. – Полковник достал пистолет и прицелился в неета. – А ну уйди, кому говорят, а то стрельну!

Губкин, который до этого лишь растерянно вертел головой, подпрыгнул вдруг и замахал руками:

– Нет! Не-е-ет! Здесь нельзя стрелять! Ни в коем случае нельзя! Вспыхнет газ, загорится нефть!.. Немедленно уберите пистолет.

Дубасов неохотно спрятал оружие в кобуру. Оглянулся, выхватил кого-то взглядом, мотнул головой:

– Кожухов, Аброськин! Взять, увести.

Двое военных подбежали к нему и уже протянули к нему руки, как тот вдруг проворно отпрыгнул назад, сунул ладонь под шкуру и вынул оттуда какой-то черный комочек, который вспыхнул прямо в руке. Издав горловой торжествующий возглас, старик юркнул в пещеру и метнул в ее глубь огненный сгусток.

Не знаю, как я успел соскочить с камня и допрыгнуть до Губкина, но лишь только я сбил его с ног, увлекая своей инерцией в сторону, – из пещеры с ревом вырвалось пламя. Я чувствовал, как трещат на голове волосы, слышал, как верещит подо мной профессор, а еще услышал звериный рык Дубасова: «Гранаты!»

Я повернул голову и увидел, как черный, похожий на исчадие ада полковник срывает подсумок с пылающего человека. В следующий миг Дубасов ринулся прямо в огненный шквал. А еще через несколько мгновений, или минут, или даже часов – я убедился, что время и впрямь умеет сворачиваться и растягиваться, – земля дрогнула, ахнула, заскрежетала... Я вжался лицом в спину профессора, а по моей спине забарабанили горячие камни. Один из них саданул по голове, и на какое-то время я отключился, а когда пришел в себя, огня уже не было. Как не было и входа в пещеру. Его полностью завалило рухнувшим сводом.

Дальнейшее я помню урывками. Сказались, видимо, удар по голове, а возможно, и легкая контузия. Но больше всего, думаю, весь этот хаос – обугленные тела двух офицеров, стоны обожженного Кожухова, вопли мечущегося профессора, истерический плач женщин... Моя психика отказывалась принимать это.

Но постепенно все улеглось; трупы унесли, Кожухова перевязали, женщин успокоили. И только Губкин продолжал метаться, держась за испачканную сажей лысину – кепку он в суматохе потерял. «Все пропало! Все пропало!.. – причитал профессор. – Без техники нам ничего тут не сделать!»

Почему-то мне больше всего было жаль именно его. Я хорошо понимал, что такое крушение надежд. Поглаживая ноющую перебинтованную голову – совершенно не помня, кто и когда ее забинтовал, – я поднялся на ноги – оказывается, все это время я сидел, прислонившись к скале, – и подошел к Губкину.

– Профессор, – едва ворочая во рту шершавым языком, сказал я, – Василий Артемович... Не надо, что уж вы так? Главное, нефть не загорелась. Дубасов – вот ведь какой!.. Спас, не растерялся. Ценой жизни.

– Что?.. – поднял на меня слезящиеся пустые глаза Губкин. – Спас? Он же гранаты!.. Он же хотел...

– Да нет же... – поморщился я. – Он все правильно сделал. Единственно правильно. Сбить пламя взрывом, так делают... А то, что свод рухнул – и вообще хорошо, доступ кислороду перекрыт оказался.

– И наш доступ! – взвизгнул Губкин. – Наш доступ тоже теперь перекрыт!

– Но могут ведь быть и другие проходы...

– Что?! – Профессор вцепился в отвороты моей ветровки и часто-часто заморгал. – Другие? Где?!

– Я не знаю, надо искать. Нас же много, надо разделить и пройти по всей долине.

Губкин тут же оставил меня и помчался к офицерам, саперными лопатками закапывающим тела погибших товарищей.

Искать начали сразу после похорон, даже не пообедав. Да и какой там обед – никому бы кусок не полез в горло. Командование принял капитан Саленко, черноволосый офицер со слегка оттопыренной нижней губой, отчего лицо его казалось по-детски обиженным. Вряд ли ему было многим более тридцати. Уверенностью в себе, в отличие от покойного

Дубасова, он явно не отличался. Смотрел, кивая, на Губкина, сразу признав главного в нем. Так ему, видимо, было проще. Впрочем, я думаю, Губкину тоже.

Профессор велел первым делом сдать ему все спички. Он бы с радостью отобрал и оружие – я видел, с какой тревогой поглядывал он на автоматы и подсумки с гранатами, – но это было бы уже чересчур. К тому же, сорок девять женщин являлись все-таки не туристками, а заключенными. В итоге, их, вперемешку с военными, Саленко выстроил в длинную цепь интервалом в пять-шесть метров между звеньями, и, дав отмашку, повел по Урочищу.

Разумеется, Губкин тоже не смог устоять на месте и двинулся в противоположную сторону. Ну а я пошел поперек общему движению, решив осмотреть островок зелени на противоположном краю.

Я дошел туда довольно быстро – ширина долины вряд ли составляла и километр. Зелень оказалась довольно густым, хоть и низкорослым осинником, плавно уходящим за край почти отсутствующего тут гребня. Не забираясь вглубь кустарника, я дошел до конца Урочища и посмотрел вниз. Склон оказался гораздо круче, но зато и более заросшим кустами и деревьями, чем с той стороны, откуда пришли мы. Я глянул вдаль. До самого горизонта простирались одни леса и болота с ртутно блестящими каплями мелких озер. Здесь и раньше-то не сильно заметны были следы цивилизации; теперь же о ней не напоминало совсем ничего.

Я повернулся и зашагал обратно. Но теперь я взял чуть правее и довольно скоро увидел разлом. Длиною он был с десяток, не более, метров, зато поперек я мог бы легко его перепрыгнуть в любом месте, а кое-где и попросту перешагнуть. Книзу же трещина резко сужалась, так что вначале мне показалось, что каменные стены на ее дне плотно сжаты. Но потом я все же заметил в одном месте черную щель длиною в полметра, в которую с трудом бы, наверно, пролезла рука. Однако еще до этого я увидел то, отчего едва не свалился вниз. Там, где смыкались скалистые края расщелины, с одной стороны разлома все было усыпано костями. Судя по многочисленным черепам, человеческими. Их было много, очень много, этих «мертвых голов», не менее двух-трех десятков. Одни были совершенно целыми, выбеленными дождями и ветром, другие пожелтели от времени, какие-то и вовсе развалились на куски.

И тут я кое-что вспомнил. Да-да, я читал и слышал, что раньше нееты практиковали жертвоприношения. Правда, в основном в жертву духам приносили животных и дичь. Людей – лишь в исключительных случаях, чтобы задобрить особенно страшных и злых духов. Но ведь как раз такими и считали нееты Огненных духов этого Урочища! И Данька мне об этом рассказывал. Кстати, в своей книге я об этом тоже упоминал. Я вспомнил еще, что хоть Данька и говорил, будто слышал от дедов о человеческих жертвоприношениях, но подтверждения этому мы тогда не нашли. Правда, мы заходили лишь в обрушенную ныне пещеру, да и то недалеко.

До дна разлома, там, где чернела щель, было метра два. Я лег у края, опустил голову и принялся. Ну да, пахло так же, как возле пещеры – чем-то вроде асфальта или мазута. Только запах тут был менее сильным – видимо, нефть была далеко. Я поднялся на ноги и, морщась от головной боли, закричал и замахал руками.

Ликование Губкина превзошло все мои ожидания. Он снова, как возле пещеры, пустился вприсядку. Затем кинулся к заключенным, выдернул одну женщину и принялся кружить ее в некоем подобии вальса. Женщина испуганно взвизгивала. Остальные – и охранники, и их подопечные – в голос смеялись; неподдельная радость профессора передалась всем.

Когда первые восторги улеглись, Губкин подошел к расщелине и приказал всем замолчать. Он поднял с земли камень и кинул его в щель. Я понял смысл этого действия, и принялся молча отсчитывать секунды: – и-раз, и-два, и-три, четыре... всплеск!

Профессор дернул головой и нахмурился.

– Около восьмидесяти метров, – тихо сказал я.

– У меня вышло больше, – буркнул Губкин и посмотрел на военных. – Кто из вас техники? Какова длина шлангов?

– Две бухты по двадцать метров, – виновато развел руками один из них.

– Ч-черт, – топнул профессор. – А веревка хотя бы у вас есть? Метров сто? Надо спустить вниз какую-нибудь емкость.

– Цвырко, принеси веревку, – сказал кому-то Саленко.

Лейтенантик, что управлял нашим баркасом, кинул под козырек руку и побежал к оставленной возле скал амуниции. Вскоре он вернулся с большим веревочным мотком. Капитан Саленко отстегнул от пояса флягу, вылил из нее остатки воды и стал обматывать горлышко веревкой. Через минуту фляга, глухо побрякивая о каменные стены, пошла вниз. Капитан опускал ее сам. Как мне показалось, не оттого, что не умел и не любил приказывать, а просто потому, что ему захотелось быть лично причастным к происходящему. Как бы то ни было, минут через пять бурая от нефти фляга, роняя за собой тяжелые грязные капли, показалась из щели.

– Давайте, давайте! – бросился к расщелине Губкин. Едва не сорвавшись, он ухватил рукой мокрую, маслянисто блестящую веревку и потянул к себе флягу. Взял ее, словно священный сосуд, обеими ладонями и поднял к носу.

– Нефть!.. – выдохнул он и закрыв глаза, пробормотал: – Ничего... Теперь все будет прекрасно. Все, что от меня зависело... Осталась самая малость.

За всеми бурными событиями я и не заметил, как подступил вечер. Небо с западной стороны расцвело буйными красками, и я, подняв голову, замер, очарованный его взвешенной, тревожно-зловещей красотой. А потому не увидел, как профессор отвел в сторону капитана Саленко. Заметил, лишь когда они возвращались к основной группе. Саленко, дав приказ двум офицерам приглядывать за женщинами, пошел с остальными к осиннику. Я не придавал этому большого значения; к тому же, ко мне вдруг подошел Губкин, который был непонятно возбужден, и завел странный разговор о погоде, надоевших ему комарах и прочей ничего не значащей ерунде. Потом спросил, не хочу ли я выпить, но услышав, что я совсем не употребляю спиртного, так же внезапно замолчал и удалился.

А комары и впрямь начали досажать. Вечер выдался очень тихим, безветренным, и жужжащие кровососы вились вокруг нас тучами. И если для меня, человека местного, они были делом привычным, то бедным женщинам приходилось несладко, тем более что дующий теперь на воду Губкин запретил разводить костры. Я сходил к осиннику, нарвал веток и попросил охранников раздать их несчастным, чтобы хоть как-то отпугивать зудящую нечисть.

Ужинать пришлось сухим пайком, запивая его холодной водой. Впрочем, никто не жаловался, а машущие ветками женщины даже выглядели необычно радостными. Но их можно было понять: назад придется нести пустые бочки, да и рейс предстоял лишь в одну сторону, ведь бочки, наполненные нефтью, пришлось бы тащить к лодкам подвое, а значит, нужно бы было возвращаться за оставшейся половиной. Кто-то из заключенных даже попытался запеть, но охранники тут же пресекли это начинание.

Палатку на сей раз почему-то разбили только одну – для нас с профессором. На мой вопрос он ответил, что ночь теплая, дождя нет, военные – люди привычные, поэтому и особой надобности во второй палатке не существует. По сути, так все и было, но что-то мне

в ответе Губкина не понравилось. Как-то преувеличенно-бодро, слишком настойчиво он говорил, словно пытаюсь меня в чем-то убедить. Но я так устал, так вымотался за этот день морально и физически, что снова не придал значения своим подозрениям. К тому же, у меня дико разболелась голова. Поэтому я первым залез в палатку и почти сразу заснул.

Я так и не узнал, ложился ли вообще в эту ночь профессор. Когда я проснулся, разбуженный неясными шорохами, в палатке его не было. Я сел и прислушался. Мне показалось, что невдалеке, шурша мелкими камешками, кто-то прошел. Я откинул полог и выглянул наружу. В небе висела половинка луны; виден был темнеющий неподалеку осинник и лежащие рядом с ним женщины. Заметил я и двух офицеров, медленно прохаживающихся возле спящих. Но звуков их шагов я отсюда не слышал, меня разбудили чьи-то еще. И слышал я их с другой стороны, той, что вела к расщелине.

Первой мыслью было, что Губкин отправился проведать свою сокровищницу. Я вновь затянул полог и собрался продолжить прерванный сон, как снова услышал шаги. Теперь кто-то шел от разлома. Я подумал, что это вернулся профессор, но шаги прошуршали дальше. Я чуть отодвинул полог и заглянул в щель. К спящим женщинам шли два офицера. Остановились возле крайней, один из них наклонился, потряс заключенную за плечо. Потом оба они подхватили женщину с двух сторон и повели в мою сторону. Я невольно отпрянул от полога, но все же успел заметить, что женщина шла, уронив на грудь голову, покачиваясь, словно пьяная. А может, она и была пьяная? То-то за ужином заключенные показались мне излишне веселыми... Значит, их специально напоили? Но для чего? Тут я чертыхнулся и саданул себя по лбу, едва не взыв при этом от боли. Ну я и бестолочь! Зачем спаивают женщин мужчины?!.. Теперь мне стало понятно и отсутствие рядом второй палатки, и странное поведение Губкина, его дурацкие вопросы о погоде и выпивке... Он просто не знал, стоит или нет приглашать меня на подобное мероприятие. И решил, что не стоит. Правильный вывод!

Меня обуяла дикая злость. Ладно военные, эти грубые солдафоны. С ними все ясно, для них это норма. Но профессор! Лысый хрен, прикидывающийся добрячком!.. Старый сластена, храбрый лишь с пьяными...

Мне очень хотелось пойти к их «тайной» палатке, чтобы разогнать гнусный бордель. И я бы, наверное, сделал это, несмотря на то что понимал все последствия, но тут я услышал крик. Женский крик, оборвавшийся коротким хрипом. Звук был далеким и слабым, но я сразу понял, что это было. Мне стало жутко. Так непередаваемо жутко, что я отполз вглубь палатки и вжал голову в плечи, накрыв ее сверху руками. Мыслей в ней не было, они, подобно комарам, жужжа разлетелись.

Не знаю, долго бы я так просидел, если бы вновь не прозвучали шаги. Затем послышался звук падения и грубый мужской шепот:

– Ну, ты! Чего разлеглась? А ну, вставай, пошли! Ты слышишь, Зарецкая? Прекращай балаган, ты ведь трезвая! От тебя даже не пахнет.

Раздался слабый девичий стон, и опять зашуршали шаги.

Я окаменел. Зарецкая! Это же та самая девчонка, так похожая на мою Олюшку! Нужно было срочно что-то делать. Выскочить и наброситься на этих двух сзади? Но что это даст? На шум сбегутся остальные! А потом?.. Может, при всех ее не станут убивать? Но зачем их вообще убивают? Это же дико, нелепо! Да и убивают ли вообще? Может, верна моя первая догадка, и с женщинами просто развлекаются, а тот крик был случайным?..

Но даже если это было так, я не мог больше отсиживаться. Перед глазами стояло лицо моей дочери, моей Олюшки. Мне отчетливо виделось, что именно ее ведут сейчас в жуткую неизвестность двое страшных людей. А то, что где-то там, в залитом лунным светом Урочище ее поджидает профессор Губкин, мне казалось наиболее отвратительным и ужасным.

Ах, как некстати сейчас эта луна, подумал я. И как раз в тот момент стены палатки потемнели, будто снаружи на них упала гигантская тень. Я отдернул полог. Вокруг было темно. Луну закрыло облако!

Понимая, что она может вновь засиять в любое мгновение, я все-таки выбрался из палатки. Теперь на фоне чуть более светлого неба различался лишь черный силуэт скалистой гряды. Но и сама долина была немного светлее гор. И светлее трех человеческих фигурок, удаляющихся по ней. Я поспешил следом.

Я почти догнал конвоиров с девушкой и решил уже прыгнуть на одного из офицеров, сбить его с ног, дать Зарецкой хоть маленький шанс на побег, но из мрака впереди проступили еще две фигуры.

– Ведите скорей, – услышал я. – Там уже свободно. Профессор нервничает. Наверное, придется водить сразу по двое, а то до рассвета не успеем.

Я едва успел отпрянуть в сторону и прижаться к земле, как совсем рядом хрустнул камнями ботинок. Немного выждав, я, пригибаясь, двинулся дальше. На пару мгновений стало светлей, луна бледным пятном замаячила сквозь тонкий слой облаков. Я снова вжался в камни. До расщелины было уже рукой подать. Я увидел возле нее три силуэта, к которым «мои» офицеры подвели девушку. И снова стало темно. Но вставать я все-таки поостерегся и пополз вперед по-пластунски. Уже возле самой расщелины я наткнулся на что-то большое и мягкое. Сначала я подумал, что это свернутый спальник и решил его сдвинуть. Моя рука легла на что-то мокрое и теплое. Я невольно отдернул ее, и тут половинка луны выкатилась из-за облаков.

Передо мной лежала одна из заключенных! Точнее, ее тело. Я видел прямо перед собой откинутую под неестественным углом голову с тускло поблескивающими в лунном свете белками глаз. Горло несчастной было перерезано так глубоко, что казалось разинутым в немом крике огромным ртом.

Наверное, я тоже вскрикнул. В любом случае, не заметить меня было уже невозможно.

– Профессор, у нас гости! – сказал один из приведших девушку офицеров. Они с напарником все еще держали ее под руки. Но тот, что заметил меня первым, отпустил ее и стал снимать с плеча автомат.

– Не стрелять!.. – зашипел Губкин, метнувшись к военному. Тот, что еще держал Зарецкую, стал растерянно вертеть головой.

И я решил. Резко поднявшись, я рванулся вперед и въехал ему головой в живот. Офицер замычал и выпустил руку девушки.

– Беги! – заорал я, подминая под себя охранника. – Беги в лес, спасайся!..

Конечно же, это был жест отчаяния. Разумеется, никуда бы ей было не убежать на залитой лунным светом каменной арене. Если бы... Не знаю, вмешались ли в судьбу несчастной заключенной высшие силы, может, те самые Огненные духи неетов отчего-то решили вдруг помочь ей, только луна снова вдруг скрылась за облаком. И я услышал, как побежала в спасительную тьму девушка.

– Не стрелять! – уже в полный голос закричал Губкин. – Все за ней, но только не стрелять!

Из-под меня вывернулся прижатый охранник. Заехал мне кулаком в скулу, вскочил и придавил ногой мою грудь.

– А этот?

– С ним я сам разберусь. Свяжите его и догоняйте остальных. Надо поймать девчонку, пока она не перебудила остальных.

Офицер быстро и сильно связал мои ноги и руки концом испачканной нефтью веревки и быстро скрылся во тьме. Рядом со мной опустился на землю профессор. Я ожидал от него

всего что угодно, но только не того, что он заговорит со мной так же спокойно и мягко, тем же красивым бархатным голосом, что и при первой нашей встрече.

– Что же вы делаете, Иван Игоревич? Не разобравшись, лезете не в свое дело, мешаете выполнять государственное задание...

– Задание? – Я попытался сесть, но у меня ничего не вышло. – О чем вы говорите? По моему, вы просто рехнулись. Вы сами-то хоть понимаете, что делаете?

– Отчего же. Прекрасно понимаю. Я делаю то, о чем вы писали в своей книге. Приношу жертву Огненным духам.

Профессор сказал это без тени иронии, и мне показалось, что он и вправду сошел с ума. А Губкин продолжал говорить:

– Я вам не все рассказал про свое открытие. Наверное, я был не прав, что не доверился вам полностью сразу. Но, вы же видели, надо мной тоже были надсмотрщики. Так вот, я на самом деле открыл способ восстанавливать зараженную нефть. И для этого действительно нужно некоторое количество живой нефти. Но есть одна большая проблема. Тот самый неведомый, неизученный до сих пор вирус, что губит нефть, вновь активизируется, как только нефть «оживает». Несколько мгновений – и перед нами вновь лужа грязи. Но есть одно вещество, что даже в очень малой концентрации убивает этот вирус. Мало того, оно является катализатором и для открытого мною процесса. Почему и как оно действует – тоже пока непонятно. Теоретически я не могу этого объяснить. Но на практике... О! Практика дала ошеломляющие результаты. Догадываетесь, что это за вещество?

Я не догадывался. Не мог я додуматься до такого. Мне кажется, это очень здорово, что не мог.

Я помотал головой.

– Кровь, – сказал Губкин. Просто сказал, без пафоса. Так, что я, даже услышав, не сразу сообразил, о чем идет речь. И он пояснил: – Человеческая кровь. Лучше женская. Она действует со стопроцентным эффектом, тогда как мужская... Впрочем, неважно. Теперь вы понимаете, что я здесь делаю?

– Вы убиваете женщин, – сказал я. – Вот что вы делаете. Убиваете саму жизнь!..

– Ну-у... – протянул Губкин. – Сколько патетики! Впрочем, ведь вы литератор... Так вот, дорогой Иван Игоревич, я убиваю не женщин, а преступников, врагов нашего государства, тоже простите меня за громкие слова. Собственно, это даже делаю не я, а официально приставленные люди. Я лишь пользуюсь побочным, так сказать, результатом их деятельности. Я должен обезопасить это месторождение, единственное, может быть, на планете. Эта кровь, пролитая в него, не даст вирусу уничтожить наш последний шанс. Сейчас мы уедем, но скоро вернемся. Привезем на дирижаблях оборудование, развернем здесь настоящую нефтедобычу. Возродится ваш город, а затем поднимется и страна. Видите, я даже смерть использую во имя жизни! А вы говорите... Теперь-то вы понимаете, что я действую во благо страны и народа?

Снова выглянула луна. Профессор смотрел на меня с легкой укоризной, как на вернувшегося блудного сына, и мягко улыбался из-под усов. Я приподнялся, насколько мог, и ответил:

– Благо народа, построенное на крови, то же, что ваша нефть, влитая вместо крови в вены больному. Я презираю такую страну и не собираюсь в ней жить.

Я отвернулся. Губкин помолчал, вздохнул и сказал:

– Значит, вы предпочитаете смерть? Ну что ж, дело ваше. Что бы вы ни говорили, мы живем в свободной стране. Право выбора есть у каждого. Только простите меня великодушно, никогда самолично не приходилось этого делать. Боюсь, как у специалистов не выйдет. Может, будет немного больно.

Я скосил глаза. Профессор встал и поднял что-то с земли. Затем подошел ко мне, наклонился, и я разглядел в его руке нож с широким и длинным лезвием. Такой же, что висел на поясе у военных. Скорее, один из них. Нож был выпачкан черным. Конечно же, так выглядела дела при лунном свете кровь, но мне отчего-то подумалось, что это нефть.

Губкин неуклюже замахнулся. Я невольно зажмурился, приготовившись к боли. Последней боли в моей жизни. Но удара я так и не дождался. Вместо этого я услышал странный свист, а вслед за ним – хрип. Рядом со мной что-то грузно упало. Я открыл глаза. Губкин лежал навзничь у самого края скальной трещины. Его голова была запрокинута и свешивалась над черной расщелиной. А в горле профессора торчала... стрела. По ее древку из раны стекала кровь и тоненьким ручейком падала в темноту разлома.

Я, словно замороженный, смотрел и смотрел на этот ручеек, и в моей голове, который раз за минувшие сутки, не было ни единой мысли.

Из ступора меня вывела автоматная очередь. С места нашей стоянки послышались крики, снова раздалась выстрелы. Там явно случилось нечто неординарное, вряд ли такой переполох могла вызвать сбежавшая девушка. И эта стрела...

Внезапно я почувствовал, как моего запястья коснулось что-то холодное и твердое. Рывок – и руки мои оказались свободными. Тело затекло, и быстро повернуться у меня не получилось. А когда я все же смог это сделать, мои ноги тоже были на свободе. Передо мной стоял странный длинноволосый человек. Его голое тело блестело в свете луны. Прикрыты были лишь бедра.

– Здравствуй, Иван, – сказал он смутно знакомым голосом. – Как дела?

– Здравствуй, Данька! – Мое подсознание сработало быстрее путаных мыслей. – Нормально дела. Чуть не умер вот...

– Не умер же!

– Я и говорю: нормально.

С горем пополам я поднялся на ноги, и мы обнялись.

– Что там происходит? – мотнул я головой в сторону редкой уже стрельбы.

– Да там уже все произошло, я думаю, – сказал Данька. – Все нормально, не переживай.

Стрельба и впрямь стихла. Крики все еще слышались, но в них было больше удивления и радости, нежели боли и страха.

– Но все же, кто там? Это ведь ты их привел? Как ты узнал, что тут...

– погоди, давай по порядку! – засмеялся и замахал руками Данька. – У меня мозги не такие быстрые, как у тебя.

– Зато руки меткие, – нервно хмыкнул я, взглянув на стрелу в горле профессора. – Это ведь ты его?

– Зоркий глаз – вождь неетов! – сказал Данька и, дурачась, издал индейский клич.

– Ты – вождь неетов? – ахнул я. – Значит, они... то есть вы... не все вымерли? Вас много?

– Опять куча вопросов! – широко улыбнулся Данька. – Да никакой я не вождь. То есть, может, имею какой-то вес, но у нас всем старейшины заправляют. Мой дед тоже из них был... – Голос неета дрогнул. – Прав он оказался, вы сюда пришли. А мы дым увидели, вот и...

– Твой дед? – Наконец-то я начал что-то понимать. – Та это он был в той пещере?

– Да. Он говорил, что вы все равно сюда придете – и тогда нееты исчезнут окончательно и уже навсегда. Ему не все верили, но он все равно ушел сюда и ждал вас. Он сказал, что если не удастся вас переубедить, то он уничтожит Урочище.

– Но почему было не уничтожить его сразу? Вам что, так дорога эта нефть? Или вы торговать ею собрались?

– Не говори глупостей. Нееты не хотят больше иметь никаких дел с вами. Ну, с вашей цивилизацией, в смысле. Нас, конечно, мало, чуть больше двух сотен, но мы свободны. Нам хватает того, что дает лес и озера. Нефть нам, конечно, совсем не нужна. Тут дело в другом. Это я почти тридцать лет прожил с вами, в городе. Это для меня тут – просто нефть. А для моего деда, да теперь уже и для молодых неетов, это – Урочище Огненных духов. А разве можно тревожить духов, тем более, жестоких и злобных? Для деда и духи были по-прежнему святы, но и про нефть он знал, и понимал, чем ее добыча может для нас кончиться. Вот и выбирал из двух зол, вот и тянул до последнего.

– А что будем делать сейчас? – заглянул я в глаза другу. Небо на востоке вовсю уже начинало светлеть, я хорошо теперь различал выражение Данькиного лица, но ничего не сумел на нем прочесть.

– Все, кто хотят, могут пойти с нами. Хорошо, если согласятся женщины, у нас их мало. Хорошо, если согласишься ты. Если кто-то не захочет, пусть возвращается к себе. Но тогда нефть нужно будет уничтожить.

– Женщины наверняка согласятся, – сказал я. – Они – заключенные-смертницы. Им возвращаться некуда. А я... Да и мне, в общем-то, некуда. Насчет военных я, конечно, не уверен.

– Вряд ли кто из военных остался в живых, – жестко усмехнулся Данька. – Разве что один, в бинтах, мы его сразу взяли.

– Это Кожухов, – вспомнил я фамилию обожженного офицера. – Он во всем этом не участвовал... Может, не надо его убивать?

– Мы никого просто так не убиваем. Если он захочет жить с нами, мы не будем против.

– Хорошо. Значит, если все согласятся пойти с вами, Урочище можно оставить?

– Думаю, да. Никто ведь тогда не расскажет, что тут есть нефть.

– Данька! – воскликнул я. – Ну ты и наивен! Да они узнали о ней со спутников. Как ни странно, те до сих пор летают. И когда в столице не дождутся возвращения этой экспедиции – пришлют сюда новую, более многочисленную и вооруженную посильней. Пока нефть не уничтожена, вам покоя не будет.

– Ты рассуждаешь хорошо и правильно, – прищурился Данька. – Но правильно с моей стороны, со стороны неетов. Однако ты пока не наш, и я говорю это не в укор. Ты хороший человек. Ты умный человек. Я долго жил в твоей стране, и она мне тоже дала много хорошего. А нефть для твоей страны – это очень хорошо. В конце концов, нееты могут уйти и дальше – свободных земель теперь много. Так что решай сам. Как скажешь, так и будет. Я подожду тебя там, – кивнул он в сторону людей.

– Уходи, Данька. Не надо меня ждать. Уходи, и уводи людей как можно дальше. Я подожду, пока не поднимется солнце.

Неет внимательно посмотрел на меня. Он ничего не сказал. Поправил висящий за спиной колчан со стрелами, поднял с земли лук, повернулся и зашагал к осиннику. А я лег на спину, заложил руки за голову и стал смотреть в небо, где гасли редкие звезды.

Мне ничего не нужно было решать. Я уже давно все решил. С той самой минуты, когда узнал, что именно нужно для возрождения цивилизации. Мне в такой цивилизации не было места. Глупо полагать, что на крови можно выстроить рай. Понятно, что можно построить на крови. Мы это уже проходили. А Данька и впрямь наивен. Никуда не уйти неетам, если этот «рай» все же будет построен. Это мы тоже проходили.

Я не услышал, как возвратился Данька. Все-таки, у неетов навыки предков в крови. Даже без малого тридцать лет «цивилизованной жизни» эти повадки не уничтожили. Правда, за двадцать лет он мог их и восстановить.

Данька сел, свесив ноги в расщелину и стал бросать туда камешки.

– До восхода солнца они будут далеко, – сказал он.

– Шел бы ты с ними! – с искренней болью сказал я.

– Вместе пойдем, – бросил Данька очередной камень.

Я помотал головой и снова уставился в небо. Оно уже розовело.

Когда первые рассветные лучи залили кровью Урочище, я поднялся. Подошел к трупу профессора, достал из кармана кожанки спички. А вот что делать дальше, я не знал. Чиркнуть спичку и бросить в щель? Она наверняка сразу погаснет. Мой взгляд упал на испачканную нефтью веревку. Потрогал, нефть уже высохла. Но все равно веревка была немного липкой. Пожалуй, она должна была хорошо гореть.

Испачканный кусок был не длиннее трех метров. Все равно этого было мало. Хотя, если поджечь его и опускать веревку в расщелину, рано или поздно нефтяные испарения вспыхнут. Можно было попробовать. Во всяком случае, других идей у меня не было.

– Уходи, Данька, – сказал я. – Или хотя бы отойди подальше.

– Вместе пойдем, – снова ответил он. – Брось ты эту веревку.

Я с недоумением посмотрел на друга. Жестом фокусника он достал из колчана стрелу и протянул ее мне. Наконечник был вымазан чем-то густым, темно-бурым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.